

**НАТАЛЬЯ
РЕЗАНОВА**

**НЕ БУДИТЕ
СПЯЩУЮ ПРИНЦЕССУ**

Наталья Владимировна Резанова
Не будите спящую принцессу
Серия «Принцесса», книга 2

Текст предоставлен издательством
<http://www.litres.ru/>

Не будите спящую принцессу: АСТ Москва; Москва; 2006
ISBN 5-17-032082-5, 5-9713-0683-9, 5-9578-2557-3

Аннотация

Судьба сказочной принцессы трудна – а порой чревата и реальными проблемами! На-до-е-ло быть спасительницей мира от темных сил Зла! На-до-е-ла тошнотворная семейная жизнь с благородным героем! Бросить все к черту и уехать в маленький провинциальный городишко... Уехала.

И оказалась втянута в расследование серии загадочных убийств. И если бы в одиночестве... это еще можно пережить... А вот как пережить развеселую компанию помощничков – нескольких опальных рыцарей, пару беглых особистов и идиота-менестреля, на которого наложено жуткое проклятие? Короче – жизнь продолжается и бьет ключом!..

Содержание

Часть первая, эзотерическая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталья Владимировна Резанова

Не будите спящую принцессу

Часть первая, эзотерическая Вишневый Ад

Все на свете только бредни ...
Осип Мандельштам

Вы любите яблони в цвету? Я – терпеть не могу. То есть когда-то мне они очень нравились, но после пребывания в славном городе Шпацирене, где яблони были главной садовой культурой, они мне осточертели.

А теперь, возможно, это произойдет и с цветущими вишнями.

Впрочем, не исключено, что вам это безразлично, и вы вообще не знаете, кто я. Так вот, я – никто, и звать меня никак. Это на случай, если придется составлять протокол. А если без официоза, то некогда я была наследной принцессой в одном небольшом королевстве, но лишилась этой непыльной должности, и с тех пор сменила больше занятий и имен, чем пальцев на руках. А может, и на ногах тоже. Один раз я даже спасла мир – об этом и в книжке написано. Нет, не в трудовой... Потому как это получилось ненарочно. Вообще-то я предпочитаю более скромные дела. Иногда они оказываются даже слишком скромными, как например здесь, в Киндергартене. Нет, не могу сказать, чтоб мои планы здесь не осуществились. Как раз наоборот. И как говорится, храни нас боги от сбычи всяческих мечт. Хотя, наверное, это все раздраженное бурчание разведенной женщины...

«Как? – справедливо заметит тот, кто знаком с моими предыдущими повествованиями. Каким образом она оказалась разведенной, если в конце прошлой истории не только не была замужем, но даже и не собиралась?»

Но, чтобы объяснить, как оно случилось, мне придется вернуться на год назад, когда, выбравшись с Того-еще-Света, я оказалась в одном из прибрежных гротов полуострова Гран-Ботфорте, с которым напрямую сообщалась подземная река Анахрен. У меня не было ни денег, ни еды, ни средств передвижения – кому это нужно там, за Анахреном? Однако сохранив в целостности руки-ноги, голову и большую часть оружия, я не склонна была предаваться унынию. Жители славного Гран-Ботфорте всегда готовы уступить место тем, кто желает повоевать вместо них. Оставалось найти какого ни на есть феодала или организацию, которые бы это место оплачивали.

Однако обстоятельства сложились так, что с наймом на более-менее постоянную работу пришлось повременить. Жители Гран-Ботфорте не то чтобы не любят работать – нет, во всем, за исключением военного ремесла, мастера они хорошие – но отдыхать они любят еще больше. И достигли в этом искусстве исключительных высот. И, когда я достигла ближайшего крупного города – это была Гдетоя, – там как раз начался карнавал. Не помню, что они праздновали – то ли очередную оккупацию Гран-Ботфорте имперскими войсками, то ли освобождение от оккупации. Неважно, повод поспрашивать на этом прекрасном полуострове всегда найдется. Вино лилось рекой – а вина там, надобно сказать, очень и очень недурные, кухня тоже достойна всяческих похвал, особенно в сравнении с меню последних месяцев, не баловавшим меня разносолами – то лягушки, то консервы, а то и вовсе пустая миска в осажденной крепости. Ну, и опять же, песни, танцы, развлечения всяческие... И я решила устроить себе отпуск и немного расслабиться. Разумеется, без денег это занятие невозможно. Но в пути я немного подзаработала. И без всякого криминала – не мой это

профиль. Совсем наоборот. Зато среди множества моих специальностей имеется и профессия телохранителя. Поэтому в недалеком от достопамятного грота городишке мне без труда удалось найти купца, желавшего, чтоб в дороге его кто-то похранил. Эти самые дороги на полуострове не славятся безопасностью, а жители, будучи людьми практичными, не особо страдают предрассудками насчет мужских и женских профессий. Правда, некоторых иностранцев сильно раздражает, когда, как это здесь нередко случается, дама кондотьерит, а кавалер куртизанит, но это их проблемы, а я в своей жизни столько повидала... Но я отвлеклась.

Итак, в Гдетою я прибыла, обремененная некоторым количеством наличных денежек. А после карнавала намеревалась перевести через местное отделение Магического банка Голдмана остаток моих накоплений, хранившихся в Шпацирене. Во время праздников банки не работали – ничего не поделаешь, таков местный обычай. Поэтому, пока длился карнавал, я решила потратить наличность с пользой и удовольствием. Купила себе маску – иначе нельзя, тоже обычай такой, считается, во время карнавала без маски обходиться позорнее, чем без штанов (кстати, некоторые и впрямь обходились без этой детали одежды). Нацепила ее и двинулась по променадам, бульварам, театрам, тратториям и остериям. Во время этого великого похода ко мне пристал какой-то кавалер. Не из местных, которые предпочитают куртизанствующим мужичков, нет, он сразу определил, что я женщина. Настроена развлекаться я была решительно, а ежели что – я в маске, пусть же маска и краснеет. И я не прогнала его прочь.

Мы выпили, поплясали, посетили театр, полюбовались фейерверком из взрывчатого чифаньского порошка, потом еще раз выпили... А когда дошло до дела, и маски (вместе со всем остальным) мы сняли, оказалось, что личность под маской мне знакома. В моих прошлых рассказах этот джентльмен фигурирует как «младший принц» или «Гверн Безземельный». А я ведь вроде бы обещала ему свидание, и он, как выяснилось, про это не забыл. Так что мы оба приняли случившееся за перст судьбы (должно быть, выпитое сказалось) и поутру направились в ближайший храм, чтоб обвенчаться. Храмы, увы, в отличие от банков, в праздники работали. Увы – потому что судьба показала нам не перст, а фигу.

Все предшествующие годы мой муж вел жизнь странствующего рыцаря. А какую жизнь вела я, тоже многие знают. В любом случае, созданию гармоничной семьи это не способствует. И все наше совместное существование, после того, как закончился карнавал и отгремели фейерверки, свелось к череде скандалов. Мой муж знал только военное ремесло – причем сражаться привык не за деньги, а за идею (вот уж чего понять не могу). Худшего места для человека с подобными взглядами, чем Гран-Ботфорте, не придумаешь. Особенно после того, как закончилась очередная война, и спрос на бойцов упал. А чтоб я работала, он не хотел – это, мол, унижает его достоинство, и он, мол, не из тех, кто живет за счет жены. Это при том, что жили мы все равно за мой счет – на те деньги, которые я получила-таки из Шпацирена. Но этот счет как бы не считался. Много интересного я услышала и про себя лично – и про свое неумение вести хозяйство, и про свои кулинарные способности. Признаю, что в чем-то он был прав. Уют я соблюдаю, после службы в различных вооруженных формированиях, вполне казарменный, а готовить не то чтобы не умею, нет, умею, но только на себя и только чтоб не умереть с голоду. А это не всем понравится. Хотя из тех, кто пробовав мою стряпню, вроде бы никто не отравился.

Я терпела это долго. Примерно полгода. В конце концов, после сражений с ожившими покойниками, демонами, злыми волшебниками, не говоря уж о простых уголовниках, а также после отсидки в башне и зиндане, можно какое-то время вынести и общество законного мужа. Но настал день, когда я собрала все свое женское барахло (а именно – колющее, режущее, рубящее и метательное оружие), а также оставшиеся после командировки по делам ордена гидрантов документы, и отправилась восвояси.

Своими я вновь избрала империю. Она большая, и не во всех ее углах я успела наломать дров. К тому же Гран-Ботфорте, при всем моем пристрастии к тамошним блюдам и винам, казался неподходящим местом, чтоб начинать новый проект. Как-то там излишне расслабляешься – то напьешься, то замуж выйдешь... Даже в Нездесе со мной такого не случилось, а уж на что веселый город. Нет, запад империи, известный своим стремлением к порядку, мне подходил больше.

Однако ни возвращаться в Шпацирен, ни обращаться к ордену Гидры Имперской мне не хотелось. Шпацирен успел мне надоесть, да и тамошние мои планы успели показать свою несостоятельность. Что до гидрантов... они, конечно, оказали мне доверие и даже, в порядке исключения, признали меня мирской сестрой ордена (правда, в проездных бумагах и рекомендательном письме, выданном мне Великим Магистром, употреблялся термин *militissa*¹), но не уверена, что после того, как Армия Теней рассеялась, и опасность, угрожавшая империи, ну, и всему миру заодно, перестала существовать, граф Бан был бы рад меня видеть. Призванные для свершения подвигов героини погибли, за исключением где-то загулявшего Ниндзюка, а по недоразумению затесавшаяся в их ряды женщина жива-здоровая.

Вдобавок именно я выяснила, что наставник ордена оказался предателем и немало способствовал усилению Армии Теней, встав во главе ее. И скрыть это обстоятельство не было никакой возможности – весь гарнизон крепости Балдино был тому свидетелем. Правда, советник ордена доктор Халигали относился ко мне с явной симпатией, но прибегать к его помощи казалось мне верхом бестактности. Старик и без того много перенес. Нет, справлюсь сама, не привыкать.

Из тех городов, что я объехала, более всего приглянулся мне Киндергартен, что в Великом герцогстве Букиведенском. Не самый крупный город, но и не деревня. Окружен живописными лесами. Поблизости река Киндер, плюс целебные источники, бьющие из озера Киндербальзам. Ну, и знаменитые вишневые сады, посаженные, по преданию, легендарным основателем города – великаном Киндером. И никаких тебе университетов, в отличие от Шпацирена, где я безуспешно подвизалась на ниве женского образования. Не то чтоб я собиралась этот подвиг повторять, но все же...

Из всех достопримечательностей меня больше всего прельстили сады. Это в рациональных здешних краях принято читать, будто наиболее всего ласкает глаз вид коня на полном скаку, корабля под всеми парусами и танцующей женщины. Но на прославленном мудростью Ближнедалнем Востоке, каковой мне не раз приходилось посещать, считается, что самое достойное любования зрелище – это цветущая вишня. Не яблоня, заметьте себе, и не груша. А здесь вишневых деревьев было сколько угодно. Ну, и вишню я тоже люблю. Пирог с вишнями – это, скажу я вам, поприятнее, чем яблочный штрудель. И напитки, опять же, отличные получаются. Пусть это и не гран-ботфортские вина.

Короче, я решила осесть в Киндергартене. Местные власти поначалу отнеслись ко мне с подозрением. Но я была к этому готова. Я бы сама к такой личности отнеслась с подозрением. По счастью, у меня при себе имелись упомянутые выше бумаги, которые я и предъявила. Рекомендательное письмо за подписью Великого Магистра ордена гидрантов, доверенного лица самого императора, оказало надлежащее действие. Граф Бан, конечно, не для того мне письмо давал, но раз уж я его не выбросила, почему бы им не воспользоваться?

И я открыла в Киндергартене, как и замыслила, еще пребывая на Том-еще-Свете, сыскную контору.

Теперь, по прошествии еще одного полугодия, я жалела об этом.

Не то чтоб ко мне никто не обращался. Замысел с сыскной конторой оказался не таким провальным, как замысел со школой. Но, выбирая для местожительства спокойный город, я

¹ Как ни странно, термин подлинный. Так обозначалась женщина, принятая в рыцарский орден.

остановилась в чересчур уж спокойном. То есть совершенно. Целебными источниками пользовались исключительно местные жители, и, возможно, в силу этой причины были они уравновешенные и законопослушные. Приезжие в качестве клиентов исключались – за отсутствием таковых. Некоторые надежды вселяла ярмарка, но там привыкли цепко держаться за кошельки и не сводить глаз со своих товаров. Несколько мелких покраж все же случилось, и я с ними разобралась, но это не те подвиги, чтоб ими похвалиться.

Помимо рыночных торговцев, ко мне стали также обращаться жены горожан. Не вдруг, а после того, как я прекратила драку на рыночной площади. Опять же не нарочно. Какой бы спокойный город ни был Киндергартен, драки и там случаются. Город, как сказано, окружают леса, а где леса – там лесорубы, а лесорубы имеют привычку после работы расслабляться и при этом, бывает, задирают горожан. Я не люблю, идя через площадь, сворачивать с пути, когда там валтузит друг друга пьяная орава. Короче, так получилось... и ко мне одна за другой стали приходиться киндергартенские дамы, дабы я за скромную плату в деньгах или продуктах питания доставляла домой их мужей, засидевшихся за кружкой в трактире «Ушастая коза» либо излишне увлекшихся игрой в кегли в саду возле пивной «Могучий Киндер». Это было бы еще ничего, но когда тем же самым стали заниматься городские власти... Нет, не выпивкой и кеглями, эти занятия они освоили давно – а вызовами для наведения порядка.

Тут вот какое дело. В Киндергартене не было ни городской стражи, ни полиции. То есть когда-то нечто подобное имелось, но по причине мирной жизни и всеобщего благорастворения воздушных масс, эти организации распустились за ненадобностью. И даже соответствующие статьи в городском бюджете сократили, решив, что в случае большой опасности обойдутся бюргерским ополчением, которое, как известно, само себя содержит. Но большой опасности не возникало, а мелкие неприятности, типа бытового мордобоя и битья посуды в питейных заведениях, время от времени происходили. И мудрецы в ратуше сообразили, что дешевле будет платить за разовые вызовы, чем возобновлять работу городской стражи.

Я согласилась. А что делать? Других предложений ведь не было. Тем более, что мне это было не трудно. Заглянуть в «Ушастую козу» под вечер, когда там гуляют лесорубы, либо унять ссору у кегельбана, когда кеглей залепили совсем не туда, куда следовало, да еще получить за это деньги... Но когда такое тянется месяц за месяцем, изменений же в моей сыщицкой карьере в Киндергартене не предвидится, тут никакие вишни в цвету не порадуют. Совсем наоборот. К тому же – сказать ли? Мне просто стало скучно. Неужели после всего мной виденного и пережитого дело сведется к выносу тел из питейных заведений? И ведь я никогда не искала приключений, они сами меня находили. Сама же я всегда стремилась к тихой, спокойной жизни.

«Чего же тебе тогда не сиделось в МГБ или Академии Скатах? – заявлял при этом внутренний голос, неизвестно откуда взявшийся. Должно быть, на вишневой диете произрос. – Там ты имела гарантированный оклад и дружный рабочий коллектив. Нет, непременно нужно было собственные предприятия начинать. Так, может, не в Киндергартене дело, а в тебе?»

Подобным мыслям я предавалась, попивая у себя в конторе чай с вареньем из прошлогодних вишен (до нового урожая было еще далеко), вместо того, чтобы отправиться на стрелковый праздник на приз Золотого Фазана. Ну надоели мне местные добропорядочные праздники. А это вдобавок был не из тех, на которых ожидаешь каких-то неприятностей, несмотря на наличие стрелкового оружия, причем в большом количестве.

Праздник стрелков был одним из древнейших в Киндергартене. Говорили, что начало ему положил сам великан Киндер. Это вряд ли, однако традиция и впрямь уходила корнями во тьму веков, когда город еще отражал нападения неприятелей, и от жителей его требовались бойцовские навыки, которые нужно было каждый год демонстрировать. От всего этого

нынче осталась лишь стрельба из арбалетов по мишеням под музыку и пение здешней хорой капеллы.

Свое теперешнее название праздник приобрел в прошлом столетии, когда герцогиня Курвляндская, направляясь с государственным визитом к великому герцогу Букивденскому, на землях которого, ежели вы не забыли, и расположен Киндергартен, проездом остановившись в городе, пожелала принять участие в празднике, из собственных ручек поразила мишень и была признана королевой стрелков. Властительница Курвляндии была так довольна своей победой, что подарила Киндергартену золотую статуэтку, изображающую фазана. А тогдашний городской совет постановил, что птичка будет вручаться каждый год победителю в качестве переходящего приза.

С тех пор призу стоило бы и поменять название, ибо птичка нынче была не золотая. Нет, первоначального фазана не украли – не случилось таких безобразий в Киндергартене. Но в некую трудную экономическую годину для города (то ли вишни был неурожай, то ли река Киндер обмелела, и лес сплавлять было нельзя) местные власти золотую статуэтку продали, и заменили ее латунной позолоченной копией. Но приз Позолоченного Фазана – это как-то не звучит, и его по-прежнему именовали золотым. И по-прежнему изымали у прошлогоднего победителя для вручения следующему, хотя таких латунных статуэток можно было бы понаделать для всех участников, а также зрителей, включая женщин и детей, и городская казна бы не разорилась.

Но Киндергартен чтит традиции. И я не собиралась их нарушать. Оставалось игнорировать праздник, плевать на косточки из варенья и размышлять о том, что не всегда любованье вишнями благотворно влияет на характер.

Должно быть, я слишком глубоко ушла в себя и не услышала стука. Рефлексии мои прервал плаксивый вопль за дверью:

– Милиса! Ми-ли-са!!!

Так меня зачастую, с подачи городского совета, называли здешние обыватели, сократив по возможности официальное «милитисса». Вообще-то я отрекомендовалась опробованным в прошлом сезоне именем Этелинда, благо именно оно значилось в представленных документах. Но это имя не приживалось здесь ни в каких сокращениях.

– Да не заперто же! – раздраженно сказала я.

Дверь распахнулась. За ней обнаружилась Фикхен – дочка бургомистровой экономки. Несмотря на более чем юный возраст, она уже исполняла в доме бургомистра обязанности прислуги за все – в Киндергартене детей из небогатых семей к делу приставляли рано.

– Господин велел вам срочно прийти! – сообщила она.

«Все-таки передрались, – подумала я, подымаясь с места. Все-таки передрались, а они там все с арбалетами. Единственный день в году, когда горожанам разрешено ношение оружия. Как неприятно. Придется вспомнить собственное практическое занятие в Академии имени Скатах: «Как стрелять по движущейся мишени, не превращаясь в оную»».

Но следующее заявление Фикхен отмело сентиментальные воспоминания о преподавательской деятельности.

– Там покойник! Убитый труп мертвого человека!

– Слушай, малявка, ты ничего не путаешь? Может, кто-нибудь пива перепил, или споткнулся и головой ударился?

Я не склонна была ей верить. Разумеется, в Киндергартене люди умирали как везде, но чтоб убийство?

– Ничего я не путаю! – Фикхен обиженно сморщила нос. – Одному дяденьке стрелой попали в лоб! Все так испугались... а господин велел бежать за вами.

Это было уже серьезно. Состязание есть состязание, азарт есть азарт, но одно дело – кеглей либо шаром захватить в лоб противнику, а другое – арбалетной стрелой.

– Ладно, идем.

Нехорошо получилось. Надо было все-таки не манкировать местными обычаями и пойти на этот праздник. С другой стороны, я не состою на постоянной службе у городского совета и не обязана предупреждать преступления. Сами виноваты, что полиции не держат. Вот если они меня наймут, чтобы найти преступника, я это сделаю. Разве не за этим я сюда приехала?

Законопослушные граждане Киндергартена не разбежались с площадки перед «Могучим Киндером», где происходили стрельбы. Даже хоровая капелла присутствовала в полном составе. Женщины и дети плакали, мужчины насупленно молчали. Господин Вассерсуп, бургомистр, нервно расхаживал перед пивной. А у входа в переулок Ласковых Телят, ногами к площадке, лежал покойник. Действительно, со стрелой аккуратно над переносицей. Я сама бы не сделала лучшего выстрела.

– Приветствую вас, господин Вассерсуп. Не могу сказать «Добрый день», поскольку он оказался недобрый.

– Здравствуйте. – Бургомистр оправил форменный нитяной парик. – Вы мне нужны, госпожа милиса.

«И он туда же. А ведь вначале выговаривал правильно».

– Что ж, приступим. Кто может рассказать мне об обстоятельствах преступления?

– Да не было никакого преступления! – с досадой воскликнул Вассерсуп. – Огорчительный несчастный случай. Рикошет.

– Рикошет? Арбалетным болтом?

«Интересно, кто из нас пьян? Я вроде бы с утра напитков крепче чая не употребляла. Да и от бургомистра вином не пахло. Пивом тоже. Хотя, как мне говорили, на празднике в «Могучем Киндере» наливают щедрой рукой и участникам, и судьям, и зрителям. Но *после* стрельб. А тут, судя по всеобщему унынию, к распитию приступить не успели».

– Рикошет. Это все видели. Кого угодно спросите. Вот, к примеру... Пулькер, что вы молчите?

Городской нотариус Пулькер – румянец с его округлой физиономии не мог прогнать даже испуг – выдвинулся из рядов свидетелей и отрапортовал:

– Совершенно верно, сударыня. Во время стрельбы по мишеням, очевидно, в силу неблагоприятных причин, один из участников, а именно сапожный мастер Сай Штюккер промахнулся. При этом его стрела попала во флюгер на крыше пивной «Могучий Киндер», отскочила от нее и поразила зрителя – портного Топаса Броско.

– Вот-вот! Так оно все и было! – подхватили те, кто мог слышать нотариуса.

Я с сомнением посмотрела на флюгер, венчавший крышу пивной. Он изображал дракона. А может, и не дракона, а что-то другое. Во всяком случае, змеиный хвост и козлиное туловище наличествовали. Но это точно была не гидра. Гидру, по гербу ордена, обеспечившего меня работой в прошлом году, я запомнила хорошо.

Речь нотариуса мне не понравилась. Слишком обтекаемая. То есть ему и положено так выражаться, профессия обязывает, но... «В силу неблагоприятных причин»... Ха! Теоретически что-то подобное могло произойти, если бы из арбалета стреляли свинцовыми шариками. В Гран-Ботфорте делают такие. Классическое оружие тамошних наемных убийц. Но здесь ведь Киндергартен, где в ходу обычные болты, без всяких гран-ботфортовых извращений.

– Кстати, а где убивец-то? – полюбопытствовала я.

– Препровожден в тюрьму и находится под стражей, – Вассерсуп не замедлил с ответом.

– Кто ж его препроводил и охраняет, если стражников нету?

– Поскольку данные обстоятельства можно приравнять к опасным для общественного спокойствия, я объявил временную мобилизацию добровольцев в городское ополчение, – пояснил бургомистр.

Это, по крайней мере, было разумно.

– Меня-то зачем звали, если сами так бойко управились?

Вассерсуп вздохнул.

– Нужно произошедшее как-то оформить, составить протокол, описание... а мы не очень знаем, как такие вещи делаются. У вас должен быть опыт...

– Вам бы лучше доктор сейчас подошел.

– Да вы сами посмотрите, на что наш доктор сейчас годится. Не привык он насильственные смерти лицезреть.

Доктор Обструкций, местный служитель медицины, в своем обычном состоянии мужчина крепкий и бодрый, от всех болезней вместо разных мудреных пилюль и микстур прописывавший целебные воды Киндербальзама, в данный момент больше всего напоминал студень. Он сидел на земле, ибо ноги у него подгибались, и рыдал. Сердобольная служанка из «Могучего Киндера» пыталась напоить его из большой оловянной кружки, не знаю уж киндербальзамом или пивом, но без особого успеха.

Я первый раз видела врача, который столь малодушно вел бы себя перед лицом смерти. До сих пор мне попадались такие, которым наличие трупа – или трупов – не мешало ни пить, ни закусывать. А что до опасных обстоятельств, то мне вспомнился доктор Халигали из ордена гидрантов. С виду был сморчок сморчком, но ни вражеская атака, ни нашествие из преисподней не мешало ему исполнять профессиональные обязанности. Стало быть, киндергартенские доктора – это какая-то особая порода. Впрочем, не мое это дело.

Прежде, чем переместиться в сторону жертвы, я спросила:

– А где стоял убитый, когда его поразила стрела?

– Да где лежит, там и стоял, – ответил Пулькер.

Остальные наперебой подтвердили его свидетельство.

Затем, как от меня и требовали, я произвела досмотр.

– Пишите, Пулькер. Убитый несомненно убит. Пал, стрелой пронзенный, точнее, болтом, в область переносицы. Жертва, по словам свидетелей, является Топасом Броско, портным, проживающим по адресу... ну, после впишете. Мужчина, на вид тридцати пяти-сорока лет, сложения астенического, парика не носил, бороду брил. Одет в синий кафтан, желтый жилет, рубашку в крапинку, розовые панталоны, коричневые нитяные чулки и черные козловые башмаки. То есть традиционный костюм киндергартенского гражданина. При себе имел кошелек, в котором находились – набор наперстков, подушка с булавками, ножницы и деньги в серебряных и медных монетах невысокого достоинства, общей суммой пятнадцать букеров. На безымянном пальце левой руки – гладкое кольцо белого металла.

– Он вдовец был, – подсказал Пулькер.

– Но родственники у него имеются?

– Верно.

– Так уточните у них, не пропало ли что-либо из его вещей.

В рядах горожан послышался ропот. Пришлось объяснить, что я вовсе не намереваюсь заподозрить кого-то из них в воровстве. Просто от меня потребовали действовать в соответствии с общепринятыми нормами. Вот я и действую.

– А теперь... – Я снова смерила взглядом расстояние от переулка Ласковых Телят до пивной, поглазела на флюгер. Нет, все-таки это был не дракон. – А теперь – вот что. Чтобы, срикошетив от флюгера, стрела вонзилось в лоб несчастному Броско, она должна была перевернуться в воздухе. Чего в природе не бывает. Это во-первых. Во-вторых, дабы вообще достигнуть переулка, стрела должна была лететь по совершенно немислимой траектории.

Из чего следует: естественным путем происходить события, так, как их излагают свидетели, попросту не могли...

– Стоп-стоп-стоп! – прервал меня бургомистр. – Этого, Пулькер, записывать не надо. Вы что, милиса, хотите сказать, что мы все лжем? Полгорода видело, как стрела отскочила от флюгера и поразила бедного портного, а вы, которой здесь вообще не было, утверждаете, что этого не произошло? Что же, по-вашему, случилось? За флюгером притаился стрелок, которому зачем-то понадобилось убивать безобидного портного?

Если бы дело происходило в другом городе, я бы именно это и предположила. Но для того, чтоб представить себе снайпера в Киндергартене, у меня не хватило воображения.

– Не кипятитесь, господин Вассерсуп. Я вовсе не желала подвергать сомнению правдивость показаний здесь присутствующих обывателей. Тем более, что меня и вправду здесь не стояло. Но заметьте – я сказала, что подобные события не могли происходить естественным образом...

– На что вы намекаете? Что стрелу кто-то заколдовал? Или навел порчу на Броско? Оставьте эти иностранные суеверия! У нас здесь не какая-нибудь дикая Гонория, а цивилизованное государство. И колдунов с ведьмами у нас не водится со времен Киндера Могучего. У нас даже алхимиков нет. А если кто-нибудь попробовал завезти к нам подобную чужеземную заразу, я бы об этом знал. Потому что единственный чужеземец, переселившийся в Киндергартен на моей памяти, вернее, чужеземка – это вы!

Я могла бы напомнить ему, что для импорта колдовства совершенно не обязательно переселяться в город на постоянное жительство. А посторонних людей в Киндергартене бывает достаточно. Торговцы, пребывающие на ярмарку, крестьяне из окрестных деревень, лесорубы, опять же. Но у меня не было охоты развивать эту мысль, да и не успела бы я этого сделать, поскольку Вассерсуп сообразил, что от его слов недалеко и до обвинения моей скромной особы, и сменил тон на примирительный.

– Да ладно вам! Совершенно очевидно, что произошел прискорбный несчастный случай. Его даже как непредумышленное убийство нельзя квалифицировать. Хотя Штюккер и не отрицает своей вины.

– Целился бы лучше – сидел бы сейчас в пивной, а не в камере! – откомментировал Пулькер.

– Полностью согласен. Так что мы возьмем с него штраф в пользу родственников пострадавшего, а размер штрафа определит суд.

– Ну ладно, господин Вассерсуп. Хотя учтите – от моих советов вы отказываетесь, а как что, сразу начнете кричать: «Милиса, милиса!»

– Пусть это вас не беспокоит, сударыня. Можете быть свободны. Вызов вам оплатят. Закончим с описью – и можете отдыхать.

– Значит, вы не будете заводить следственное дело?

– Святые Фирс и Фогель! Зачем? Обстоятельства очевидны, я устал уже повторять.

– Все так. А все же небольшое расследование стоит провести.

– Не стоит, – отрезал бургомистр.

Он был неправ. А я права. Хотя мы еще об этом не знали.

* * *

Далее последовал относительно спокойный отрезок времени, когда события развивались именно так, как предсказывал бургомистр. В кратчайшие сроки состоялся суд над сапожным мастером Саем Штюккером. Невольного убийцу приговорили к выплате денежной компенсации и затем отпустили на волю. Практичные жители Киндергартена вообще не

имели привычки долго томить заключенных в тюрьме – ведь их содержание оплачивалось из городского бюджета. Так что арестованные отправлялись на свободу после уплаты штрафа, или простояв положенное время у позорного столба на рыночной площади. Если же кто-то совершал серьезное преступление, требующее более сурового наказания (при мне такого не бывало, но прежде случалось), его отправляли в столицу герцогства – город Букиведен, и уж там он получал свое – казнь, тюрьму или каторгу. Стоит ли добавлять, что в Киндергартене смертная казнь не практиковалась уже многие годы, и палач в штате городских чиновников отсутствовал.

Признаюсь, я не совсем точно выполнила распоряжение Вассерсупа не проводить расследование. История по-прежнему казалась мне неправдоподобной, и я побеседовала с теми, кто присутствовал на стрелковом празднике. Но никто из них не добавил к услышанному ранее ничего нового. Причин, по которым бы весь город взялся вводить меня в заблуждение, я не видела.

Я попыталась также узнать, не было ли какой-либо причины для враждебности к Броско со стороны Штюккера. О деловом соперничестве не могло быть и речи – у них были разные профессии. Но, может, имелось что-нибудь личное?

Отнюдь, говорили мне. Разумеется, сапожник и портной были знакомы – а кто в Киндергартене не знаком друг с другом? Но – никакой девушки, которая некогда предпочла одного другому, никаких невыплаченных долгов, никаких ссор за кружкой пива или в кегельбане.

У Штюккера было многочисленное семейство, Броско не так давно овдовел, детей у него не было, наследовал ему брат. Никаких имущественных претензий там тоже не водилось. Полное благополучие. Просто ужас.

Короче, не было у Штюккера мотива убивать Броско, и ни у кого другого – тоже. Хуже того, этого убийства по всем законам природы не могло произойти.

Однако свежая могила на кладбище святого Фирса появилась, никуда от этого не деться.

И я задумалась над тем, что сказал мне Вассерсуп. И впрямь, такие обыденные явления жизни, как магия, колдовство, чудеса и чудовища обошли Киндергартен стороной. К чему бы это? То есть великое герцогство Букиведен, равно как и соседствующие княжества, вообще этим не славилось. Недаром они похвалялись своей цивилизованностью. Но в Киндергартене было что-то уж очень тихо. Я не утверждаю, что для полноценной жизни города необходимы шляющиеся по кладбищам вампиры, или нарушающие общественную тишину баньши. Но в каждом уважающем себя городе есть скачущая по церковному двору безголовая лошадь, или призрак Белой (Серой, Черной, Малиновой) Дамы, горестно вздыхающей о своем теле, замурованном в фундамент местных укреплений. А здесь – ничего. Ни фей, пляшущих на лужайках, ни магов, следящих в башне движение светил. Даже обязательных в любой деревне старух с дурным глазом и то не было. Все строго по науке. Колдунов заменил доктор Обструкций, выпускник Букиведенского университета, а гадалок – дипломированный адвокат мэтр Каквастам.

На вопрос, с чего так повелось, мне обычно повторяли расхожую версию о том, что колдунов и ведьм изгнал из города сам Киндер. Но я позволила себе в это не поверить. Великан Киндер был личностью легендарной, и ему приписывалось столько славных деяний, что заставляло усомниться в том, что сей Киндер когда-то существовал. А если и существовал, то города тогда не было, и выгонять колдунов с ведьмами неясно откуда пришлось. В целом же упоминание колдунов и ведьм наводило на мысль, что когда-то они здесь водились. Но вот почему они – и все сопутствующие магии существа – в Киндергартене повывелись?

В Гонории, столь кичащейся своей принадлежностью к цивилизованному Западу – слышали бы там, как их здесь чествуют дикарями! – бытует теория, будто с развитием коммер-

ции и производства магия отступает и в конце концов исчезает вовсе. Лично я в этом не уверена. Как раз в Гонории теперь, когда проложили дороги там, где их отродясь не было, понастроили шахты и верфи, нечисть необычайно активизировалась. Но в Киндергартене ничего подобного не было. Торговля оставалась на том же уровне, что и в прежние времена, фабрик не строили, равно как и новых дорог, а лес вырубали аккуратно. Может, магия здесь умерла естественным образом – от скуки?

Был еще один вопрос, на который я хотела получить ответ, но в данном случае это было нетрудно. Я решила поговорить с Пулькером. Идти к нему в контору я не хотела – это могло повредить его деловой репутации. Ведь мой приход в сознании горожан связывался с неприятностями или беспорядками. Значит, следовало направить свои стопы туда, где мое появление будет выглядеть естественно.

Я знала, что Пулькер имеет обыкновение ужинать в «Ушастой козе». В Киндергартене отсутствовали бордели и игорные дома, и мест, где мужчина мог бы развлечься после трудового дня, имелось немного. В «Ушастой козе» игра по маленькой допускалась, подавали там и напитки крепче пива. Именно поэтому в данном заведении мне и приходилось останавливать стычки и осуществлять вынос подгулявших посетителей. Но Пулькер не дрался и не напивался. Ноблес, как говорится, облизывает, а он был лицо официальное и помнил об этом и после работы. Так, откушивал в удовольствие, иногда играл в шашки с аптекарем или бондарем, ну и выпивал рюмку-другую. Чем он и собирался заняться, когда я перешагнула порог «Ушастой козы».

– Шерри-бренди, ангел мой! – крикнул он опрятной подвальщице. А потом обратился ко мне: – Добрый вечер, милиса. При исполнении?

– Да так, обхожу дозором... Но сегодня, похоже, все в порядке.

– Тогда, может, посидите со мной?

Этого я и дождалась.

– Кстати, господин Пулькер, я все как-то забывала поинтересоваться, – сказала я, выждав приличное время, пока нотариусу принесут его заказ, и он выщедит дозу своей вишневки, – кто стал победителем на празднике стрелков?

– А никто. Все так разволновались из-за злосчастного происшествия, что состязания были прерваны. Судьи даже не подсчитали очки. Понимаю, что подобная небрежность не свойственна жителям нашего милого города, но согласитесь, гибель человека на стрельбах – событие экстраординарное.

Я кивнула.

– Значит, приз остался у прошлогоднего победителя?

– Нет, у нас так не принято. Золотого Фазана в начале состязаний торжественно водрузили на всеобщее обозрение. А сейчас его вернули в ратушу.

Это было, собственно, все, что я хотела узнать у Пулькера. Зачем, я и сама не понимала. Чтоб кто-то учинил срыв состязаний дабы не дать кому-то выиграть приз? Негодная версия. Будь фазан и впрямь золотым, она бы еще заслуживала внимания. Но ведь он позолоченный и вручается лишь на время...

Тут бы и завершить разговор, но если я сразу уберусь, это заставит Пулькера задуматься, зачем я его расспрашивала. Он же не дурак, догадается, что я все же провожу расследование, вопреки распоряжению начальства, и настучит бургомистру – здешние все законопослушны... Нет, надо перевести беседу на что-нибудь другое.

Я посмотрела в окно, но там ничего особо вдохновляющего не было заметно.

«О погоде, что ли, речь завести? Или о видах на урожай?»

Последнее я и выбрала. Грядущий урожай вишни. Эта тема близка сердцу любого местного уроженца.

Пулькер, стоило лишь его подтолкнуть, разразился пространными рассуждениями о том, что сейчас и вишня пошла не та, и урожай не те. Вот раньше, мол, и сушили вишню, и заготавливали вишню, и возами отправляли на продажу...

Дослушать рассказ о тех баснословных временах мне не довелось. Опять-таки, распахнулась дверь и срывающийся мужской голос спросил:

– Милиса здесь?

– В чем дело, Бабс?

Я поднялась навстречу рассыльному из ратуши. Прежде, чем он ответил, я сообразила, что дело серьезное. Может, хуже, чем случай на стрелковом празднике. В прошлый раз Вассерсуп ограничился тем, что пристал за мной Фикхен.

А ведь там в наличии имелся труп.

Молодой Бабс поморгал, примеряясь взглядом к мерцанию масляных светильников.

– Господин Пулькер, вы тоже здесь! Вот удача! Господин Вассерсуп приказал найти и вас.

– Да что за спешка! – в отсутствии прямого начальства он мог позволить себе выразить толику недовольства. – Поужинать не дают!

– А вы еще не ужинали?

– Нет, а что?

– Тогда лучше и не приступайте. Там такое... такое...

«Такое» вкратце заключалось вот в чем. Почтенная вдова Гунна Остгот, служившая экономкой в доме мануфактур-советника на покое Профанация Шнауцера, пару дней назад испросила отпуск для поездки в деревню на свадьбу племянницы. Сегодня после обеда она вернулась домой, точнее, в дом своего хозяина, расположенный в дальнем конце улицы Сдобного Теста. Стучать в парадную дверь она не стала, ибо так не было заведено в доме, но открыла заднюю дверь, от которой у нее имелся собственный ключ. Внутри ее встретила тишина, что не удивило почтенную Гунну – мануфактур-советник, будучи человеком преклонного возраста, вел жизнь спокойную и уединенную. Надобно заметить, что Гунна Остгот, числясь экономкой, являла собой ярчайший пример экономии, исполняя также обязанности кухарки и горничной, лишь стирку передоверив приходящей прачке. Поэтому, по прибытии она сразу проследовала на кухню, дабы приготовить ужин. Господин Шнауцер был не из тех, кто трапезничает в «Ушастой козе», «Могучем Киндере» или любом другом заведении, даже с наилучшей репутацией, ибо отличался чрезвычайно строгим нравом.

Закончив со стряпней, вдова Остгот накрыла стол в гостиной и постучала в дверь кабинета. Оттуда никто не откликнулся. Гунна Остгот не была приучена входить к хозяину без зова и стала выжидать. Но ужин остывал, и добрая Гунна решила постучать снова, а когда Шнауцер вновь не отозвался, предположила, что он направился в гости – такое случалось крайне редко, но случалось. Чтобы проверить свое предположение, она приоткрыла дверь.

Мануфактур-советник Профанаций Шнауцер находился в кабинете. Но ответить экономке никак не мог, поскольку голова его была отделена от тела. Говоря «отделена», я не хочу сказать, что голову господина Шнауцера отрезали или даже отрубили.

Ее оторвали.

В доме Шнауцера мы застали троих растерянных горожан из числа «мобилизованных», рыдающую в голос вдову Остгот и доктора Обструкция, лежащего в обмороке на парадном крыльце.

На сей раз я могла его понять. Картина была малоприятная. Замутило даже Пулькера, а он был по части чувств куда как покрепче доктора. Так что Бабс был совершенно прав, отсоветовав нотариусу ужинать.

Насколько я поняла, на крики вдовы Остгот собрались соседи, кто-то из них сообразил добежать до рагуши, а там уж Вассерсуп послал за нами всеми. «Мобилизованные добровольцы» соседей из дома выставили, но посторонние в доме все же потоптаться успели. Нехорошо, и портит не только общий вид сцены преступления, но зыблет уверенность в пристрастии местных жителей к порядку. Я приказала мобилизантам любопытных более в дом не пускать и отрядила Бабса за повозкой, чтобы увезти останки в лечебницу, где имелся холодный погреб – его учинил предшественник и по совместительству отец доктора Обструкция, не чуждый науке анатомии. Сам доктор, слегка оклемавшийся, отбыл вместе с Бабсом.

Пулькер согласился вести протокол, но в кабинет после первого визита заходить отказывался, шелестя бумажками в гостиной. Так что вести осмотр и допрос свидетельницы пришлось мне. Конечно, я попыталась узнать, не было ли что-нибудь украдено. Хотя было у меня ощущение, что такие преступления совершаются не ради денег.

От экономки толку было мало. Она все время всхлипывала и что-то несла насчет того, как трудно отмывать кровь с тисненых обоев. Все же мне удалось узнать, что особых ценностей в доме не хранилось, что вроде бы ничего не пропало, а деньги свои господин Шнауцер держал в банке.

– А кто наследует господину Шнауцеру? – спросила я.

Гунна Остгот перестала плакать.

– Не знаю... наверное, его сыновья.

– Вот как? Я думала, у него нет детей.

– Отчего же? Двое сыновей. Только они лет пятнадцать как переехали в Букиведен.

Это было нехарактерно для Киндергартена, где дети обычно продолжали дела отцов.

– В любом случае надо их известить.

Тут приехали за телом, и мы с мобилизантами, завернув останки в простыню (экономка очень не хотела ее нам давать), сложили их в повозку.

Пулькер тем временем опечатал дом – вдова Остгот ушла ночевать к соседям, заявив, что не останется рядом с такими страстями. Поскольку слухи уже распространились по городу, мы не стали этому мешать.

Скорбная повозка покатила к лечебнице, а мы пошли по улице, прочь от дома Профанация Шнауцера. Впереди шел Бабс с фонарем. По моему мнению, было довольно светло: лето все-таки, но так было принято в Киндергартене – ходить по ночам с фонарем.

– Сыновья Шнауцера ничего не получают, – внезапно произнес Пулькер. (Оказывается, он все слышал из гостиной.) – Я сам заверял его завещание. Я знаю, что разглашать его прежде времени противозаконно, но при таких обстоятельствах...

– Почему же папаша лишил их наследства?

– Не знаю. Помнится, они крепко поссорились. Но это было давно...

– А кому он завещал свое состояние?

– Большой частью отдал его на благотворительность. Ну, и кое-что получит за верную службу Гунна Остгот.

– А ей об этом известно?

– Не знаю, – повторил Пулькер. Потом оживился. – Вы думаете, она причастна?

– Если она приехала именно тогда, когда утверждает – а это нетрудно проверить, – то Шнауцер к тому времени был уже мертв. Его убили, по-видимому, прошлой ночью. Ну, и у нее просто не хватило бы сил на подобное.

– У меня тоже, – он посмотрел на свои пальцы, измазанные чернилами.

– И у меня, – утешила я его. – И ни у кого из известных мне жителей Киндергартена. То-то и оно, Пулькер, то-то и оно.

Хотя вернулась я к себе на квартиру глубокой ночью, спать почему-то не очень хотелось, и я составила список того, что нужно было сделать в ближайшее время:

«1. Узнать побольше об этом Шнауцере. Я почти не видела его и не была с ним знакома. Его характер, привычки, распорядок дня.

2. Проверить, действительно ли Гунна Остгот провела предшествующие дни в деревне (в какой?) и когда в точности она вернулась.

3. Собрать сведения о сыновьях Шнауцера. Проживают ли они по-прежнему в Букиведене? Известно ли им, что отец вычеркнул их из завещания?»

Все это как будто было правильно, но не очень меня устраивало. Разумеется, пропавшие сыновья внушали наибольшее подозрение. Как ни крути, у них были причины для преступления. Если они не знали о завещании, могли убить из жадности. Если знали – из мести. И будь Шнауцер убит более привычным образом – дубиной по черепу, кинжалом под ребро, я бы уцепилась за версию с сыновьями. Но, как говорят на Ближневосточном Востоке, случилось то, что случилось.

А чтобы оторвать голову взрослому мужчине, пусть старику, нужна нечеловеческая сила.

Нечеловеческая.

Когда наутро я предстала с этим списком и со вчерашним отчетом перед взором Вассерсупа, он не выразил энтузиазма.

– Весьма неприятное стечение обстоятельств, – пояснил он свое нерасположение. – Мануфактур-советник – это не портняжка какой-нибудь.

– И на несчастный случай труп не спишешь.

– Бросьте, милиса, язвить. Если бы тело обнаружил кто-то из городских служащих, можно было бы как-то удержаться в рамках. А так – город полон слухов, скоро они расплзутся по всему герцогству.

– Да, радости мало. Но если мы найдем убийцу – или убийц, все сразу успокоится.

– Тут я спорить не стану. Но, боюсь, отыскать преступника самим – не в наших силах. В Киндергартене никогда ранее не случалось ничего подобного. Я не хочу сказать, что история города не знает убийств. Бывало, что заезжий грабитель подстерегал на ночной улице припозднившегося бюргера, или лесорубы, пропивая выручку, доходили до некоторых излишеств.

– Или некий портной получал арбалетную стрелу промеж глаз...

– Довольно! Я повторяю: сами мы не справимся. Здесь требуется специалист.

– А я, по-вашему, кто?

– Я не хочу обидеть вас, но, думается мне, теперь понадобится нечто большее, чем вынос пьяниц из «Ушастой козы».

– Полагаете, мне в жизни только этим приходилось заниматься?

– Отнюдь. – Бургомистр устало потер переносицу. – Но, честно говоря, кто вы, сударыня?

Я подумала, что он начнет выяснять мое происхождение, но вопрос касался моего нынешнего статуса.

– Вы – частное лицо, исполняющее поручения других частных лиц, либо, время от времени, поручения городского самоуправления. А нам понадобится некто, наделенный властными полномочиями.

– Так наделите меня ими! Господин Вассерсуп, я понимаю, что при отсутствии полицейской службы в Киндергартене вести расследование будет трудно. Но, уверяю вас, мне приходилось справляться с не меньшими трудностями.

– Хватит споров, милитисса Этелинда. – Оказывается, он помнил имя, прописанное в документах. – Они бесполезны и беспредметны. Нынче на рассвете я с нарочным отправил письмо в Букиведен, с просьбой прислать дознавателя. Ибо чует мое сердце, дело это – не местного масштаба.

Он был прав. А я неправа. Но мы оба еще об этом не знали.

Дознаватель из Букиведена прибыл раньше, чем ожидалось. Очевидно, преступление сочли экстраординарным даже по меркам столицы герцогства. За это время я успела проверить лишь сведения, относящиеся к вдове Остгот. Она не солгала. Ее присутствие на свадьбе в деревне Феферкухен, что к северу от Киндербальзама, подтверждалось. И вернулась она в указанный ею срок – тому были свидетели. Это, по некоторым размышлениям, не освобождало ее от подозрений. Она могла передать свой ключ кому-то заранее, либо сделать с него копию.

Что касается самого убиенного, то много выяснить о нем не удалось. В основном, услышанное лишь подтверждало то, что я узнала в ту роковую ночь. Он был нелюдим, эконом, чтоб не сказать скуп – по моему разумению, для такого дома, как у Шнауцера, нужен был значительный штат прислуги, а он обходился одной Гунной. Но в Киндергартене подобную скромность привычек одобряли. Свыше пяти лет назад он отошел от дел, продал долю компаньону и жил на проценты с капитала. Был прихожанином храма Присноблаженного Фогеля (где, кстати сказать, хранилась наиболее почитаемая святыня города – икона «Трудное Детство Присноблаженного», якобы перворимского письма). Дом Профанаций Шнауцер покидал лишь для того, чтоб посетить церковь, или направляясь на обед к кому-либо из именитых горожан. Праздники посещал избирательно, поэтому, например, на состязаниях стрелков его не было. Он считал этот обычай чересчур легкомысленным. В целом же ничего порочащего о нем не было известно. Супруга его умерла больше двадцати лет назад от воспаления легких – пользовал ее еще отец доктора Обструкция. Во второй брак Шнауцер не вступал. Он не пил (во всяком случае, никто не видел его пьяным) и не играл даже в самые невинные игры, что были разрешены в Киндергартене. И, уж конечно, никаких иных пороков за ним не числилось.

– Правильный, очень правильный был человек, – сказал мне преподобный Суперстаар, ректор церкви Присноблаженного Фогеля. – Строг, конечно. Пустопорожнего времяпрепровождения не признавал. Легкомыслия не терпел ни в ком – ни во взрослых, ни в детях.

– И в детях?

– Да, да. При нем дети на церковном дворе баловаться не смели. Он это сразу пресекал и родителям советовал никогда не забывать: «Жалеешь розгу – портишь младенца!».

– Он и собственных детей так же воспитывал?

– О, разумеется. Господин Шнауцер был человеком твердых принципов. Но его сыновья... Стен и Блок... они не оценили отцовской заботы. Сбежали из Киндергартена и больше не возвращались. Такая неблагодарность!

Услышанное мне не понравилось. Совсем не понравилось. Хотя мне попадались дети, которых, безусловно, можно и даже нужно было сечь, в целом я подобные методы воспитания считала непродуктивными. И, возможно, на месте Стена и Блока я бы и сама сбежала из отеческого дома. Но еще больше мне не понравилось то, что сыновья Шнауцера при таком раскладе выглядели самыми подозрительными из подозреваемых.

«Ни разу не возвращались, говорите? Да за пятнадцать лет человек может так измениться, что папа родной не узнает. А сосед – там более».

Но, чтобы выяснить местопребывание Стена и Блока Шнауцеров, мне пришлось бы уехать из Киндергартена. А я не хотела этого делать, пока не приедет столичный дознаватель.

И он прибыл.

Я не присутствовала при его встрече с отцами города, однако некоторые сведения сообщил мне Пулькер за рюмкой вишневки в «Ушастой козе». Он рассказал, что дознаватель приехал не один, а в сопровождении трех полицейских приставов. Фамилия дознавателя была ван Штанген, а спутники его звались Вайн, Вайб и Гезанг. Всем им определили казенную квартиру при ратуше.

Еще Пулькер рассказал, будто первое, что пожелал сделать ван Штанген – это осмотреть тело жертвы. Поскольку сыновья покойного так и не приехали, похороны были отложены, и останки Шнауцера так и хранились на леднике в подвале лечебницы.

Действия были правильные. Но почему ни Вассерсуп, ни ван Штанген не позвали меня? Уж Вассерсуп знал, что я в обморок не грохнусь. И не тело мне нужно было видеть, я достаточно насмотрелась на него на месте преступления. Но мне любопытно было бы выслушать мнение столичного специалиста. Или городские власти всерьез вознамерились отстранить меня от дела?

Раз так, я решила к ван Штангену не ходить. Не то чтоб я обиделась. Но иногда выживание оказывается наилучшей тактикой.

И она себя оправдала.

Ван Штанген сам пришел ко мне.

Это тоже был правильный человек. По крайней мере, внешне. Правильный костюм тонкого сукна, не кричащий, но и не старомодный. Правильные черты лица: широкий лоб, четкие брови, тяжелый подбородок. Только нос подкачал, прямо скажем, мелковат он был в сравнении с прочим – крупным и мужественным (я продолжаю про лицо, не подумайте дурного). Но не мне, с переломанным шнобелем, критиковать чьи-либо носы.

Он появился в моей конторе без стука, благо дверь была не заперта. И без приветствия.

– И что это за слово такое «КОП»? – спросил он.

Данное слово было написано на вывеске, украшавшей входную дверь.

– Название моей конторы. – Уточнять, что сие сокращение означает «кругом одни принцессы» и служит напоминанием о моих прежних приключениях, я не стала.

– Коп, милица... что за варварская терминология.

– Милица, – поправила я. – А точнее – милитисса.

– Неважно.

Заметно было, что ему это и впрямь неважно.

– Я тут на днях еще один термин выдумала для местного употребления. «Шерриф».

От слова «шерри».

Шутки он не поддержал. Следовательно, пора было переходить к официальной части.

– Господин ван Штанген, если не ошибаюсь?

Он кивнул.

– Не любезный вы человек, сударь.

– А вам, коль занялись неподходящим для женщины ремеслом, и не следует ожидать, что с вами будут любезны.

Если он рассчитывал, что я оскорблюсь, то напрасно. Слыхивала я в свой адрес такое, в сравнении с которым это было лепетаньем майского ветерка. Но, возможно, ван Штангену и это было неважно.

– Состояние дел с охраной правопорядка в Киндергартене, – продолжал он, – запущено до немыслимой степени. Немудрено, что здесь происходят чудовищные преступления. Вместо того, чтоб заниматься созданием городской стражи, бургомистр нанимает какую-то подозрительную женщину...

– Отчего же подозрительную? Я представила документы.

– Видел я эти документы. Они весьма сомнительны с любой точки зрения. И только безграмотные провинциальные чинуши могли решить, что они дают вам какие-то полномочия на охрану правопорядка как в этом городе, так и в любом другом.

«Вот так, сударь мой Вассерсуп. Нужен был тебе столичный дознаватель, не хотел ты довольствоваться моей помощью, получи теперь заслуженную благодарность, безграмотный чинуша».

– Что же до вашей так называемой связи с орденом гидрантов, – мэтр ван Штанген последовательно гнул свою линию, – то должен вам сообщить, что орден Гидры Имперской не имеет в Великом герцогстве Букиведенском своих крепостей, приоратов и капитанств, а следовательно, всякие действия от его имени на территории герцогства не имеют законной силы. Более того, у меня есть сведения, что орден в последнее время лишился милости его императорского величества, и не исключено, что сборище сомнительных авантюристов, транжириющих средства из императорской казны на неизвестные цели, будет распущено.

«Вот так, благородный граф Бан из Динас-Атаса и подчиненные ему гидранты. Нужно было вам становиться спасителями цивилизации от сил Тьмы, стражами Запада и прочими хранителями устоев – получайте теперь заслуженную благодарность, сомнительные авантюристы и растратчики».

– Я говорю вам это, милитисса Этелинда (в его произношении мое прозвище прозвучало как «вошь особо мелкая»), для того, чтоб вы уяснили – у меня есть все основания для того, чтобы подвергнуть вас аресту. Но я от этого пока воздержусь. Я даже готов допустить, что вы вмешались в дела, находящиеся не в вашей компетенции и присвоили властные полномочия, руководствуясь исключительно добрыми побуждениями. Но в сложившейся ситуации с попустительством пора заканчивать. Я пришел, дабы предостеречь вас от дальнейшего вмешательства в ход следствия. Дело взято под контроль самим генеральным прокурором Бюстье-Корсетом, и заниматься им должен человек опытный, а не всяческие... как это вы изволили выразиться... копы, милисы и шеррифы, не видящие дальше кончика своего носа.

«Вот так, Тесса-Присси-Конни-Этель. Мотайся себе по всей Ойойкумене, подымайся в небеса на коврах-самолетах и драконах, спускайся в преисподнюю Того-еще-Света, а потом всякий фендрик из богами забытого Букиведена будет пенять тебе за узость кругозора».

Хотя обижаться не стоило – уж на что-что, а на благодарность я никогда не претендовал. Тем более от ван Штангена, который лично мне ничем не был обязан. Вдобавок, мой нос, даже сломанный, все равно был длиннее, чем у него. Так что ван Штангену следовало быть осторожнее с фразеологическими оборотами.

– И вот еще что, – голос ван Штангена был сух и ровен, как оркостанская степь. Без сомнения, он отлично умел вести допросы. – Если вам, несмотря на все вышесказанное, вздумается проверить алиби сыновей покойного, не тратьте времени зря. Я это уже сделал. Секунд-майор Блок Шнауцер вместе со своим полком находится в походе, согласно союзническому договору Великого герцогства Букиведен с Заморской Олигархией. Еще весной полк покинул пределы континента и ныне сражается на Заштатном Западе. А смиренный брат Стен Шнауцер, шесть лет назад вступивший в монастырь отшельников-шептунов, с тех пор находится по обету в строгом затворе.

– Значит, они и не рассчитывали на наследство, – в задумчивости проговорила я.

Ван Штанген одарил меня пронзительным взором, словно бы стремясь прочесть по моему лицу, откуда мне известно, что старик Шнауцер наследства сыновей лишил. Но от вопросов воздержался.

– Так что у них не было ни возможности, ни мотива совершить это преступление.

– Ни сил, если они оба соответствуют нормальным человеческим кондициям. Учитывая способ, коим было совершено убийство.

– А вот об этом предоставьте судить мне! – пресек ван Штанген мои рассуждения. – Да, останки выглядят так, будто голову убитого оторвали. Но, возможно, кто-то специально позаботился о том, чтоб они так выглядели. Техника свершения преступлений шагнула в наши дни очень далеко. Поэтому вновь повторяю – не мешайте следствию. Это к вящей пользе и вашей собственной безопасности.

– Премного благодарно за заботу, господин ван Штанген.

– Я слышу в ваших словах иронию. Напрасно. Советую не пересекаться со мной и моими сотрудниками.

– Но удовлетворять обычное женское любопытство, расспрашивая о том, что происходит, вы ведь не можете мне запретить?

– Да, с женской привычкой повсюду совать свой нос не справилась бы и рота полицейских приставов. А в моем распоряжении их всего трое.

«Что у него за манера – повсюду приплетать носы?»

– Кстати, я их что-то не вижу. Они ожидают вас на улице?

– Мои подчиненные не тратят времени на пустопорожнее болтание по улицам. Может, в Киндергартене на это смотрят проще, но приставы прибыли из столицы и действуют строго в соответствии с приказом начальника. Сейчас, например, они препровождают в тюрьму некоего Сая Штюккера.

Ван Штанген повернулся, чтобы уйти.

– Постойте! – окликнула я его. – Вы считаете, что между происшествием на празднике стрелков и убийством Шнауцера есть связь?

– Это же очевидно.

С этими словами ван Штанген покинул мою контору. Не прощаясь. Так же, как не поздоровался в начале визита.

* * *

Итак, милостивые государи и государыни, что мы имеем?

А имеем мы классическую ситуацию. Конфликт официального служителя закона и частного сыщика. И, главное, возразить-то особо нечего. Наверняка опыта в расследовании преступлений у ван Штангена побольше, чем у меня. Я ведь трудилась в охране, а не в сыске.

И выводы наши покуда совпадали. Правда, я не была уверена, что, говоря о «технике преступления» мэтр имеет в виду то же, что и я. Зато была уверена, что между двумя убийствами есть нечто общее. Вот только что?

Ну, предположим.

Оба убийства (а в том, что смерть портного Броско не есть несчастный случай, я была убеждена с самого начала) выглядят как-то нарочито нелепо. Неестественно. Если только насильственная смерть вообще бывает естественной. И еще. Никто от этих убийств ничего не выиграл. То есть брат Броско получил возмещение от Штюккера, а экономка должна унаследовать какие-то деньги по завещанию Шнауцера. Но вряд ли эти суммы достаточно велики, чтоб из-за них учинять душегубство.

Однако этого недостаточно, чтобы строить версию. И вообще, в своих странствиях приходилось мне видеть, как убивали вообще за пригоршню медяков... Ладно, пусть сапожником занимается команда столичных следователей, мне есть о чем подумать помимо того. Например, о том, как убийца проник в дом мануфактур-советника.

Обе входные двери, согласно показаниям Гунны Остгот, были заперты. Ключи имелись только у нее и у хозяина. Разумеется, в доме имелись еще и окна. Но это были глухие окна, они не открывались. Правда, в верхней их части и на втором этаже были полукруглые

фортки. Они-то как раз открывались для проветривания, но уж очень невелики были по размеру. Трудно представить, чтоб кто-то сумел в них протиснуться.

Тут возникают две версии.

1. Как я уже предполагала, кто-то сумел сделать копии с ключей от дома, элементарно отпер дверь, убил Шнауцера, а уходя, запер дверь снова.

2. У убийцы был сообщник, человек мелкий и ловкий. Он проник в форточку, открыл дверь изнутри, впустил убийцу, далее см. пункт 1.

Трудность была еще в том, что по дому, перед тем, как я туда попала, пробежалась толпа народу, и никаких следов я не нашла. Может, у ван Штангена это лучше получится. А нет – нечего похвалиться своим профессионализмом.

«Пойти, что ли, посмотреть снаружи – вдруг я что-либо пропустила? Ведь это чисто-породное любопытство, а любопытствовать ван Штанген мне не запретил. Он запретил мне лишь пересекаться с ним и его свитой. Ну так я и не собираюсь с ним пересекаться. Пусть ван Штанген идет своим путем, а я пойду своим. И посмотрим, столкнемся ли мы лбами в конечной точке».

Мне повезло. То есть вначале я думала, что мне не повезло. Свернув на улицу Сдобного Теста у кондитерской «Сюрприз Киндера», я увидела, что возле дома покойного Шнауцера маячат две женских фигуры. По ближайшему рассмотрению, одна из них оказалась Гунной Остгот, а вторая – соседкой, госпожой Мюсли. Весьма добропорядочной дамой. Впрочем, как и все здешние дамы. Для разнообразия, сегодня рыдала и ломала руки она, а не экономка. В Киндергартене обращать внимание на подобные проявления чувств считается дурным тоном и непросительным вмешательством в личную жизнь. Поэтому я лишь вежливо поздоровалась и спросила Гунну Остгот, разрешено ли ей вернуться в дом.

– О, да, – ответила она. – Столичный господин снял печати, все там посмотрел и сказал, что я могу вернуться в свою комнату. Я уже убралась, как могла. Таков мой долг по отношению к покойному господину. Но я не знаю, буду ли я там жить. Разумеется, после окончания следствия я уеду... но и сейчас там так страшно! Вот посмотрите на госпожу Мюсли – она сама не своя, хоть и не живет в этом доме!

Помянутая соседка вновь задрожала и всхлипнула.

– В чем дело, сударыня? – осведомилась я. – Разве вы тоже видели место убийства?

– Хуже, милиса, гораздо хуже...

– Что может быть хуже?

Госпожа Мюсли прикусила дрожащую губу.

– А вы расскажите милисе, – посоветовала ей экономка. И направилась в дом, внушавший ей такой ужас. Должно быть, сетования соседки ее изрядно притомили.

Госпожа Мюсли огляделась по сторонам, а потом свистящим шепотом произнесла:

– Хуже то, что я видела демона, прилетевшего за душой мануфактур-советника!

– Демона? – усомнилась я. – В Киндергартене?

– Вы тоже мне не верите! Вот и дорогой Гансхен-Фрицхен говорит, что я сошла с ума, потому что у нас ничего такого не бывает!

– Отчего же, верю... Хотя это действительно нехарактерно для данной местности... Вот что, госпожа Мюсли. Не стоит торчать посреди улицы. Давайте пройдемте в кондитерскую, чайку попьем, вы успокоитесь и все мне поведаете.

В «Сюрпризе Киндера» в этот час не было посетителей, а верней, посетительниц, поскольку посещали это заведение в основном дамы. Мы заказали чаю с ватрушками и, конечно же, вишневого варенья и уселись за стол. Когда моя спутница, испив чаю, несколько успокоилась, я вернулась к заданной теме.

– Скажите, а когда это было?

– Вечером... накануне возвращения дорогой Гунны.

«И в предполагаемое время убийства, – добавила про себя я. – Или около того».

– Мне очень стыдно признаться, что я выходила на улицу в позднее время... порядочной даме такого не пристало... Но как только стемнело, мы зажгли фонарь перед входной дверью, как требует городской совет... а потом оказалось, что нужно прикрутить фитилек, потому что он коптил... а у моего дорогого супруга так скрутило спину, что он не мог разогнуться, и было уже слишком поздно, чтобы звать доктора Обструкция... а прислугу я уже отпустила... и вот, я взяла щипцы, вышла на улицу, открыла щиток фонаря... а тут он... оно... она... летит! К дому советника.

– На чем-нибудь летит, или сам по себе? – уточнила я.

– Сам... сама по себе... медленно так, будто плывет по ветру... а ветер был слабый.

Это было странно. По моему личному опыту, демоны передвигались довольно быстро.

На всякий случай я еще спросила:

– Высоко летел?

– Высоко... чуть пониже крыши...

«И как раз на уровне второго этажа. То бишь форточек».

– Госпожа Мюсли, я не сомневаюсь, что вы видели сверхъестественное явление. Но вы уверены, что это был именно демон?

– Не уверена, – всхлипнула она. – Я не знаю, на кого похожи демоны. Может, это было привидение. Я точно помню, что оно просвечивало насквозь.

А это был отнюдь не показатель. Встречала я таких призраков, которые вовсе не просвечивали, и в темноте вполне могли сойти за живых.

– И что же было дальше?

– Не знаю. Я испугалась и убежала в дом... я ведь не знала, что господина Шнауцера убьют... Я рассказала Гансхену-Фрицхену, а он выбрал меня за глупость. И он прав... ведь в Киндергартене нет ни демонов, ни привидений.

«Теперь, наверное, уже есть», – подумала я.

– А как выглядел этот ваш демон... или привидение?

Она всплеснула руками.

– Вот это и есть самое ужасное! Он... оно выглядело как маленькая девочка!

– Какая девочка? – озадачилась я.

– Самая обычная. В чепчике, в простом платье, в полосатом передничке...

Это было что-то новое в демонической практике. Впрочем, мой опыт общения с демонами был невелик.

– И вот еще что, госпожа Мюсли. Вы рассказали о том, что видели, господину ван Штангену или кому-либо из его приставов?

– Ни в коем случае! Гансхен-Фрицхен запретил мне это! Он сказал: «Мало ли что тебе примерещилось – ни слова о том столичному дознавателю! Он живо поймет, что ты рехнулась, и отправит тебя в Букиведен, в лечебницу святой Шизгары, и ты опозоришь всю нашу семью!» И я не знаю, что мне делать... вдруг я и в самом деле помешанная? И меня ждет дом святой Шизгары... а там, говорят, помешанных сажают на цепь, и бреют им головы, и бьют палками, а это так страшно!

Я в растерянности смотрела, как она рыдает. Не к доктору же ее вести, на доктора Обструкция надежда плоха. Хотя, кроме медицины, есть еще один традиционный способ...

– Но священнику муж ваш ничего не запретил рассказывать?

Она закивала.

– Вот и хорошо. Сходите в храм, помолитесь присноблаженному Фогелю, поставьте свечку... и вам станет легче.

Лично я никогда не практиковала подобные методы психотерапии, но от других слышала, что это помогает. Поскольку госпожа Мюсли не возражала, я подхватила ее за пухлый локоть, вывела из кондитерской и повлекла по направлению к храму.

«Сдам ее на руки отцу Суперстаару, а он сумеет утешить страдалицу».

Отец Суперстаар был занят. Он руководил детским хором, выпевавшим какой-то гимн. В Киндергартене никаких нововведений по части религиозных песнопений не признавали, и ничего подобного благочестивой песенке «Приоресса по имени Анна», достававшей меня по всей империи, здесь нельзя было услышать. Исполнялись хоралы, восходящие едва ли не к Перворимской империи, вроде того, что звенел сейчас под сводами церкви святого Фогеля.

Я могилку другу копал,
А зарыть его нелегко.
Долго я возился и потел,
Но зато зарыл глубоко!

Я с удовольствием слушала величественный старинный напев, в отличие от госпожи Мюсли, которая сразу проследовала к образу Трудного Детства и пала перед ним на колени.

Ректор, отпустив детей на перерыв, подошел ко мне.

– Добрый день, сударыня. А мы тут репетируем...

– Готовитесь к состязанию церковных хоров?

– Нет, к похоронам. Господин бургомистр дал понять, что вскоре по прибытии столичного дознавателя скорбные останки несчастного нашего согражданина будут преданы земле...

– А хор будет петь.

– Вот именно! Все будет устроено по первому разряду! Ведь господин Шнауцер был одним из наиболее уважаемых наших прихожан.

«И какая-то часть его состояния, скорее всего, по завещанию отойдет этому приходу, – подумала я. При том, что не хотелось бы вносить отца Суперстаара в список предполагаемых убийц. – Священник-убийца – это дурной тон. Хотя, быть может, я и не права...»

– Но я вижу, что одна из моих прихожанок нуждается в пасторском ободрении, – прервал Суперстаар мои размышления. – Пойду, поговорю с ней.

«Что ж, для этого я сюда госпожу Мюсли и привела. Но и у меня найдется здесь занятие. Про Шнауцера я прежде спрашивала у взрослых, а вот что скажут о нем дети?»

Я вышла в церковный двор, и ребята тут же устремились ко мне. Даже в тихом, мирном и добропорядочном Киндергартене мальчишки обожают оружие, а у меня был настоящий меч и настоящий кинжал (по правде говоря, кинжалов, как и ножей, было несколько, но не все они на виду). Обычно родители запрещали детям канючить разрешения подержать оружие, но сейчас родителей поблизости не замечалось, да и ректора тоже.

Выслушав хоровое исполнение просьбы: «Тетенька милиса, а можно подержать меч/кинжал/вон тот маленький ножик», я сказала:

– Разрешу, если вы расскажете мне про Шнауцера... про того дядьку, у кого на похоронах вы должны петь. Знали его?

Знали, знали, еще как, оказывается, они его знали. Мануфактур-советник не часто выходил в свет, но уж если это с ним случалось, не упускал случая пообщаться с подрастающим поколением. И воспоминания у поколения были на редкость схожие. Без всякой признательности к покойному. Основной характеристикой ему служили термины «гад» и «злбный старикашка».

– И в чем его гадство выражалось?

– А все учит-учит, нудит-нудит...

– Того не моги, этого не моги, туда нельзя, сюда нельзя!
– И родителям стучал...
– Ага, а если камнями кидаешься или бегаешь, он тростью по рукам – раз! По ногам – раз!
– А вот с этой цифры поподробнее, пожалуйста...

Как выяснилось, тростью мануфактур-советник учил не всех детей, что попадались на его жизненном пути. Только тех, у кого родители были победнее и не отличались влиянием в киндергартенском обществе. Остальные получали устное взыскание.

– Это правда, милиса, – пропищал поблизости от моего локтя знакомый голос. Принадлежал он Фикхен. – А еще уши крутил. Бывало, как придет к господину бургомистру, как попадешься ему, так сразу за ухо – цап! И крутит с вывертом, и шипит: «Будешь вертеться, будешь безобразничать, будешь языком болтать – голову оторву!»

Я посмотрела на Фикхен. Отстегнула один из кинжалов и протянула мальчишкам – пусть знают, что некоторые взрослые выполняют свои обещания, особенно если это им выгодно.

– Натэ, ребята, поиграйте, только не порежьтесь. – И, пока они баловались с железкой, спросила у Фикхен: – А ты что здесь делаешь? Ты же вроде в церковном хоре не поешь?

– Не пою. Туда девочек не берут. Меня господин к ректору прислал. Я должна сказать, что господин Вассерсуп сказал, что столичный господин сказал, что похороны можно делать через три дня.

– Ну-ну. Неужели ван Штанген считает, что расследование можно завершить в столь краткий срок? Или тело жертвы для дальнейшего хода следствия уже не нужно?

«То-то детишки порадуются...»

Во дворе появились Суперстаар и госпожа Мюсли. Воззрившись на своих хористов, ректор немедленно забыл о прихожанке.

– Дети, что это у вас? Какая гадость! Оно же острое! Им же можно поцарапаться! Немедленно верните, откуда взяли! И вообще, перерыв закончен! Репетиция продолжается!

Покуда ректор загонял детишек обратно, а я привешивала к поясу кинжал, господу Мюсли подошла ко мне.

– Вы были правы, милиса. Молитва и душеспасительная беседа пошли на пользу... – И вдруг она завизжала, тыча пальцем в Фикхен: – Она! Демон!

Девочка шарахнулась и спряталась за мою спину, я же, выхватив из пальцев госпожи Мюсли смятый носовой платок, заткнула им вопящий рот (см. полковник Грушин, «Трактат о кляпах», раздел «Мягкие варианты»). Картинка, думается, получилась еще та, похлеще фигуры в новомодном танце, да благодарных зрителей, по счастью, не нашлось.

– Вы что, сударыня? Это же Фикхен, служанка бургомистра!

– Но это она, – пробубнила дама сквозь ткань платка. – Я узнала ее. Это она летела к дому Шнауцера.

– Посмотрите внимательней! Это девочка – из плоти и крови, из мяса и костей. Разве она может летать, подгоняемая ветром?

– Но она похожа...

– Разве она просвечивает?

Фикхен, осознав, что бить и драть за уши ее не будут, или, по крайней мере, не сейчас, выглянула из-за меня. Я тоже повернулась к девочке, убрав платок ото рта госпожи Мюсли.

– Не просвечивает... совсем не просвечивает, – растерянно произнесла дама.

– И сейчас ведь день, а вы, наверное, слышали, да и сами убедились, что демоны и привидения являются только во тьме ночной, ибо свет солнца для них непереносим.

Тут я врала. Отдельные разновидности и демонов, и призраков отлично себя чувствуют днем, в чем я имела несчастье убедиться. Но собеседнице об этом знать было незачем.

– Да... солнышко светит...

– А главное – если бы девочка была связана с нечистой силой, разве она могла бы находиться в святом месте? Да ее бы сожгло и скрючило! Вот посмотрите, что с ней будет, если она в церковь войдет! Фикхен, тебя послали с поручением к ректору? Так что стоишь, чего ждешь?

Девочка рысцой побежала по двору. Прежде, чем переступить через церковный порог, она с любопытством оглянулась. Но ничего интересного она не увидела.

– Выходит, я ошиблась... но вы должны простить меня. После того ужаса, что я узрела, в любой горничной начинаешь видеть демона.

По щекам госпожи Мюсли вновь заструились ручейки, правда, совсем мелкие по сравнению с предыдущими.

Я вернула ей платок.

– Не стоит расстраиваться. Возвращайтесь домой, приготовьте пироги с вишнями, попотчуйте супруга, поешьте сами, выпейте шерри – и все забудется.

Она просияла.

– Вы правы. Пироги – это прекрасно. – И она поспешила прочь, весело крикнув: – Увидимся на похоронах!

– Увидимся, – пробормотала я.

Пироги – это действительно средство от многих проблем, и если бы я сама умела пользоваться лекарством, которое так уверенно прописала, может, и мой брак не распался бы. А шерри мне уже начало надоедать.

Но не будем отвлекаться. Я не должна была позволить госпоже Мюсли поднять шум. Ректор Суперстаар – милейший человек, но все-таки священник, а у них у всех есть предрасположенность к охоте на ведьм. И неизвестно, одолеет ли эту предрасположенность местная убежденность в том, что в Киндергартене никакая нечисть не проживает.

Что характерно – у меня самой такой убежденности не было.

Я внимательно следила за Фикхен во время сцены, устроенной заполошной дамой. И – тут я за свои слова отвечаю – видела: девочка напугалась только оттого, что на нее внезапно закричали. А потом ее испуг и вовсе прошел, осталось лишь любопытство. И я поверила бы, что госпоже Мюсли все примерещилось, и Фикхен не имеет никакого отношения к этой истории, если бы...

Если бы за минуту до того девочка не рассказала мне об угрозе, которой страдал ее мануфактур-советник.

«Голову оторву!»

А потом голову оторвали ему самому.

Я не знаток в науке заклятий, но во времена службы в Магическом банке Голдмана азам обращения с силой слова меня обучали. В частности, я узнала о правиле тройного проклятия. Это, стало быть, если накладываешь на кого-либо проклятие без достаточных на то оснований, оно впоследствии обернется против тебя с утроенной силой. «Прежде, чем язык распускать, вы должны предугадать, чем слово ваше обернется!» – говаривал мой бывший начальник, эльф Финалгон. И получается так: угроза Шнауцера, выраженная метафорически, сработала как проклятие и обернулась против него самого в буквальном смысле.

Стоп. Не складывается. Чтоб правило сработало, нужно, чтоб вначале исполнилось проклятие первоначальное. Это во-первых. Во вторых, для исполнения проклятия нужен посредник, проводник силы. Представить, что голова может у кого-то оторваться сама – все равно, что представить, будто на эту голову способен невесть откуда сам собой свалиться кирпич.

Может, Профанаций Шнауцер еще к кому-то обращался с этой угрозой? Вряд ли у него был по данной части богатый репертуар.

Все так, но госпожа Мюсли видела определенного ребенка.
Девочку Фикхен.

И здесь мы подходим к единственному исключению из тех условий, что я перечислила выше.

Можно отразить направление проклятия до того, как оно сбылось, и перенаправить его на первоисточник. Но для этого надо быть колдуном. Или ведьмой. А в Киндергартене ни тех, ни других не водится.

Или все-таки водится, несмотря ни на что? Недавно завелись, еще не достигли зрелого возраста?

Ладно, предположим, что малютка Фикхен – ведьма. Но ведь госпожа Мюсли видела не ее. Она видела призрак Фикхен. Точнее, поскольку у живого человека призрака быть не может – астральное тело.

Это что ж получается? Фикхен пустила свое астральное тело погулять, а оно залетело в дом Шнауцера, оторвало голову мануфактур-советнику, или, в крайнем случае, отперло дверь настоящему убийце?

Способен ли на такое сгусток бесплотной субстанции?

Ну, призраки, с которыми я сталкивалась о прошлом годе, еще и не на такое были способны. Убивать живых людей они точно могли.

Однако это были не обычные призраки. Они появились на этом свете в результате направленного использования мощного некромантского артефакта и злонамеренных действий опытного мага-ренегата.

Что мы имеем в результате? Не обязательно, чтоб Фикхен была ведьмой. Но магическое воздействие непременно должно иметь место.

Только откуда взяться магическому воздействию в Киндергартене? То есть в его наличии теперь вряд ли можно сомневаться, но определить, откуда оно исходит, я пока не могу. Образования не хватает. Если бы в Киндергартене был хотя бы один действующий хрустальный шар, я бы связалась по нему с Абрамелином, и старый маг бы меня проконсультировал. А так приходится, как обычно, полагаться лишь на собственные силы.

И начать надо с того, чтобы проверить Фикхен и ее почтенную матушку.

Тут как раз и объект моих размышлений появился в поле зрения, закончив с поручением для отца Суперстаара.

– А ведь важные дела тебе теперь получают, Фик, – сказала я.

Девочка приосанилась.

– Не боишься, что по пути мальчишки нападут?

Осанка исчезла.

– Боюсь... Они за косы дергают... и обзываются... все потому что фаттерхен у меня умер, заступиться некому. Вот и дядька этот, которого убили...

Казалось, она вот-вот заплачет. Довольно с меня на сегодня женских слез, не хватало еще детских.

– Ладно. Давай-ка я тебя провожу.

Фикхен мгновенно повеселела.

Сдав Фикхен на руки матушке, мне ничего не стоило напроситься на чай с пирогами. Тем более, что напряженная умственная деятельность не позволила мне сегодня полноценно подкрепиться во время предыдущего перекуса в «Сюрпризе Киндера».

За чаепитием я навела разговор на Фикхен. А известно, что любая мамаша не упустит случая поболтать о своем чаде. И вдовствующая госпожа Грох, экономка бургомистра, исключением не была. Я многое узнала об ее обожаемой доченьке – начиная с болезни, коими Фикхен болела до того, как у нее прорезались зубки, и до ее поведения на прошлой неделе. И либо Грохша была гениальной актрисой, которой место не на кухне, а на сценах

императорских театров, либо я ничего не понимаю в колдовстве, но никаких признаков того, что Фикхен и ее мать владеют тайными знаниями, я не заметила. Единственное, что меня заинтересовало, было следующее: госпожа Грох поведала, что в последние месяцы Фикхен мучили дурные сны, она плакала и кричала по ночам. Но, слава присноблаженному Фогелю, теперь ее милая малютка снова спит спокойно, как и подобает детям ее возраста.

– А вы спите в одной комнате?

– Конечно. С нашим скромным достатком надо радоваться и тому, что добрый господин Вассерсуп выделил нам комнату. Кухарка – та ночует здесь, на кухне, а конюх, само собой, при конюшне.

Я задала еще один вопрос:

– Давно ли Фикхен перестали мучить страшные сны.

Госпожа Грох не могла вспомнить сразу, я же напряженно ждала ответа. Но он оказался не таким, каким предполагался.

Нет, дата избавления не совпадала с убийством Шнауцера. Избавление произошло раньше. После праздника стрелков.

После этого мне ничего не оставалось, кроме как откланяться. Беседовали мы, как упоминалось выше, на кухне, однако проводить меня с черного хода экономка не решилась. Все-таки я к прислуге не относилась. Она повела меня через прихожую. И там я столкнулась с хозяином дома.

И если б только с ним! Бургомистра сопровождали ван Штанген и три белобрых шкафа – несомненно, пресловутые Вайн, Вайб и Гезанг.

Вассерсуп, увидев меня, смутился. Возможно, ему было неловко, что он фактически отстранил меня от расследования. А может, все было гораздо проще, и он боялся того, что я учиню в его доме публичную ссору с дознавателем.

– Добрый день, сударыня, – пробормотал он.

– И вам того же.

– Вынюхиваете по кухням и людским? – осведомился ван Штанген. – Удовлетворяете женское любопытство?

Вайн, Вайб и Гезанг дружно всхрюкнули. Должно быть, глагол «удовлетворять» в сочетании с прилагательным «женское» вызывал у них какие-то свои ассоциации.

– Отнюдь. Я пришла к вам, господин Вассерсуп, попросить разрешения на работу в городском архиве.

– Зачем?

– Интересуюсь историей Киндергартена. Какой-либо закон это запрещает?

Все присутствующие воззрились на ван Штангена.

– Нет, – ответил тот после паузы.

Вассерсуп вздохнул.

– Хорошо. Сейчас дам вам записку к Пулькеру, он вас проводит к архивариусу.

На том мы и простились.

Моя просьба являлась не простым предлогом, чтоб выпутаться из неловкой ситуации. Мне и впрямь пришло в голову покопаться в архиве. Разве не нашла я разгадку Армии Теней в библиотеке храма Края Окончательного? В Киндергартене библиотеки не было, а вот архив, как я успела узнать за время своего пребывания здесь, имелся, причем примыкал он непосредственно к ратуше, и хранились там исключительно документы городского самоуправления. Вдруг где-нибудь среди них отыщется нечто, объясняющее феномен отсутствия чародейства и волшебства?

«Догадался ли ван Штанген о моих намерениях? Похоже, еще нет. Но он вполне способен о них догадаться. Не надо его недооценивать. И тем более не стоит надеяться на его благожелательность».

В тот день архив оказался уже закрыт, поскольку за моими хождениями незаметно наступил вечер. Так что своей цели я достигла лишь на следующее утро. И цель эта меня разочаровала.

Архив города Киндергартена не выдерживал никакого сравнения с библиотекой храма Края. Не то чтоб документы там валялись в беспорядке... но давно я так не чихала и не кашляла. За библиотекой храма, в то время, когда я там побывала, никто не следил из-за почти полной гибели братии. Но, должно быть, служители Края наложили на свое книгохранилище какое-то мощное заклинание, предохраняющее от пыли и регулирующее доступ свежего воздуха. Архив Киндергартена размерами был гораздо меньше, зато пыли тамросло не в пример больше. Архивариус Танцмейстер по причине дряхлости лет и множественных болезней обязанностями пренебрегал, а нанять кого-нибудь провести влажную уборку в городском совете не сообразили.

Но не это было причиной моего разочарования. Весь день и часть следующего я потратила на разбор документов. Городской совет Киндергартена был чрезвычайно скрупулезен. Каждая черепица, пошедшая на починку крыши ратуши, каждый галлон целебной воды, доставленной из источников Киндербальзама, дабы отцы города могли на заседаниях освежать иссушенные дебатами глотки – все было документально оформлено. Но к тому, что я хотела знать, здесь не относилось ничего. Это не означало, что искомого документа вообще не существовало в природе. Но в архиве хранились документы только за последние сто лет! А магия, судя по всему, исчезла в Киндергартене раньше.

Я растолкала дремавшего в углу Танцмейстера и спросила: «Куда девались более ранние документы? Их что, уничтожили?»

Архивариус долго не мог уразуметь вопроса, тараша на меня мутные выцветшие глазки, а поняв, возмущенно запыхтел.

– Как можно! В нашем городе архивы не уничтожаются!

– Куда же они деваются, в таком случае?

– Их пересылают в другие архивы...

– В какие?

– Не знаю... в большие. Наверное, в столицу. А может, в храм какой-нибудь. А может, и в разные рассылают по частям... как городской совет решит. Не знаю. При мне этого не было.

И он снова задремал. Ясно было, что внятного ответа я от архивариуса не дождусь. И меня настиг облом.

«Что ж, если старый архив и впрямь отправлен в Букиведен, у ван Штангена есть шанс опередить меня. Если он разгадал мои замыслы... если послал соответственный запрос... если он вообще прибегает к таким методам, мне ведь неизвестно, чем он занят в эти дни.

А почему, собственно, я решила, что истина скрыта в архивных документах? Только потому, что местные чиновники имеют обыкновение все записывать?

И как я себе это представляю? «В лето от основания Второримской империи... городской совет Киндергартена под председательством бургомистра NN большинством голосов постановил: не быть магии в Киндергартене».

И если раньше была магия, то как решил совет – и не стало магии...»

Ах, если бы в Киндергартене имелся какой-никакой заваливающий историк! Увы, такого товару в здешнем богоспасаемом граде не водилось. И такой бесполезной дисциплине, как история, в здешних школах не обучали.

Но историки водятся в других местах! Даже на территории Великого герцогства Букиведенского. А ежели историк чего интересное прослышит, он это беспременно в книжечку поместит и книжечку эту тиснет! И если библиотеки в Киндергартене нет, то книжная лавка имеется. И коли мне сегодня судьба пылью дышать, пойду-ка я туда.

...«Не стоит также пренебрегать сборниками предсказаний, – думала я по пути в лавку. – Всекие пророки обожают делать предсказания, и чем дурнее это предсказание звучит, тем лучше оно запоминается. Скажем, так: «И рек некий зломудрый волхв: скорее вода в озере Киндербалзам закипит, чем исчезнет магия из города! Но с приходом на стогны Киндергартена святого... ну, предположим, Фогеля, вода в озере закипела, и был сей волхв посрамлен своим же прорицанием».

Однако в книжной лавке меня ожидал второй облом за последнее время.

Сама книжная лавка была причудой местного бакалейщика Остерегайтиса. И основной доход Остерегайтис получал от бакалеи, на одних книгах его дело живо бы зачахло. Но он почему-то считал, что книги придают его торговле некое благородство.

Сам Остерегайтис был занят с покупателями в бакалее, и бледный приказчик проводил меня в книжную лавку – маленький пристрой к главному зданию, отделенный от него лишь перегородкой. Книг в лавке имелось довольно много. Целый шкаф, ростом с Гезанга. Я бывала в королевских дворцах, обладающих меньшими книжными собраниями. Увы, несмотря на стремление к благородству, Остерегайтис был человеком глубоко практичным и выставлял на продажу только те книги, что могли найти спрос у его сограждан. В основном это были разнообразные лечебники (включая конские и коровьи) и собрания хозяйственных советов с названиями типа: «Рачительный попечитель», «Наилучшая в свете повариха» и «Как обустроить свой дом, не потратив ни гросса из собственного кармана».

Картину несколько разнообразили с полдюжины разнообразных рыцарских романов о паладинах Хромом, Косом и Припадочном, изданных еще при предыдущем императоре. Очевидно, такой товар Остерегайтис приобретал мелким оптом на распродажах в Букивене. Романов любовных, а также скандальных сочинений типа «Царевна Милена и Баба-Яга: нас не догонят!» (я такую книжицу видела в Гонории) не допустили бы к продаже строгие местные нравы. А исторических книг, даже самых легковесных, равно как сборников прорицаний, Остерегайтис в лавке не держал. Даже прорицаний с видами на урожай. Единственное, что могло сойти за познавательное чтение, это книги с описаниями путешествий. Жители Киндергартена редко покидали родной город, разве что до ближайшей ярмарки или в Букивенен, по делам или на учебу, как доктор Обструкций, протиравший некогда штаны на медицинском факультете, либо мэтр Каквастам, занимавшийся тем же на юридическом.

А такие домоседы всегда с удовольствием читают описания как далеких экзотических стран, так и стран соседствующих, но чужих.

В руки мне попала маленькая книжечка «Курвляндия и ее обыкновения», сочинение небезызвестного шевалье Глюка. Я лично со знаменитым путешественником не встречалась, но немало слышала о нем. Поэтому я машинально перелистала книгу, прочитала несколько строчек и повернулась к приказчику:

– Пожалуй, я беру.

Нет, к исчезновению магии в Киндергартене книжка шевалье Глюка не имела никакого отношения. Она действительно была посвящена Курвляндии – ее быту, климату, флоре, фауне и правительству. А также, до некоторой степени, истории. Одна из исторических главок сего творения именовалась «Золотой Фазан».

Вечером, у себя, очистившись от пыли, я приступила к чтению этой главы.

Как утверждал шевалье Глюк, примерно четыреста лет назад тогдашний властитель Курвляндии, герцог Передоз, за непоколебимость и несгибаемость прозванный Дубом, решил, как все приличные люди, отправиться в поход за веру – освободить святой город Ералашалаим от его жителей. И, поскольку он всегда делал то, что решил, незамедлительно отправился – во главе отборной дружины. Но герцога никто и никогда не обучал географии, а потому Передоза занесло в прямо противоположную область Ойойкумены – в Балалайские горы. Невелика беда – добавлю от себя – там тоже, сказывают, святынь немеряно. И Передоз

Дуб не стал пренебрегать завоеванием этих святынь. Что там с ним случилось, никому в точности не ведомо. Известно лишь, что в родную Курвляндию герцог вернулся примерно через десять лет, причем в полном одиночестве. Полегла ли его верная дружина в боях или по каким-либо причинам предпочла остаться в Балалаях, шевалье Глюк не сообщал. Сам герцог Передоз не склонен был распространяться о своих приключениях. Однако ходили слухи, будто он – единственный среди уроженцев Запада, сумел добраться до сказочной страны Камбалы, затерянной то ли в Балалайских горах, то ли где-то еще на просторах Ближнедальнего Востока.

Так или иначе, из своих странствий Передоз Дуб вернулся не с пустыми руками. Точнее, не совсем. Его трофеем была статуэтка из чистого золота, изображающая фазана. А была ли она вывезена из самой волшебной Камбалы или из какого-либо храма или монастыря в Балалайских горах, об этом история умалчивает. Известно лишь, что герцог золотым фазаном очень дорожил и утверждал, что он стоит всех потерь и лишений, перенесенных в этом походе.

К сожалению, добавлял шевалье Глюк, потомки решительного Передоза не разделяли его мнения. Курвляндия, отойдя от активных военных действий, очень выиграла на поставках в империю мехов, пеньки и воска, вывозимых из Поволжья через Пивной залив. В свете общего благосостояния бывшая реликвия стала восприниматься правителями Курвляндии всего лишь как забавная безделушка. Кто-то из них вывез золотого фазана за пределы герцогства, и с тех пор статуэтка навсегда была утрачена для Курвляндии.

На этом глава завершалась, и, пожалев птичку, далее путешественник переходил к описанию традиционного осеннего фестиваля свиных ножек.

«Предположим, – подумала я, откладывая книгу, – мне известно о судьбе Золотого Фазана (теперь уже с прописных букв) несколько больше, чем шевалье Глюку. Впрочем, в этом я не превосхожу никого из обывателей Киндергартена. Предположим, золотая статуэтка действительно является магической реликвией – балалайские отшельники, говорят, по части магии мастера непревзойденные. Но все эти рассуждения имели бы смысл, если б Золотой Фазан, хранящийся в Киндергартене, оставался подлинником. Но ведь это копия, позолоченная жестянка. И с чего вообще меня привлекла эта история? Ведь она никак не связана с тем, что я искала».

Поэтому я решила сделать перерыв в своих изысканиях хотя бы на ночь и улеглась спать. Но это не принесло мне покоя. Мне снились розы, имена, маятники, а также тайные меридианы, и прочая невнятица.

Мануфактур-советника Профанация Шнауцера после смерти ожидала иная участь, чем портного Топаса Броско. По крайней мере в отношении места упокоения. Большинство усопших в Киндергартене хоронили на кладбище святого Фирса. Но тем, кто пользовался особым почетом, отводились особые места на храмовых дворах. Шнауцер, как было упомянуто выше, был прихожанином церкви святого Фогеля, там ему и надлежало успокоиться.

Я была свидетельницей усилий доброго ректора придать похоронам торжественность, несмотря на экстраординарные обстоятельства. И когда церемония началась, он мог быть доволен.

Хотя Шнауцер окончил свои дни не в окружении любящей семьи и, в общем, не пользовался популярностью у сограждан, проводить его в последний путь явилось множество народу. В основном, конечно, из любопытства, но не мне осуждать этот порок. Насколько я могла слышать из разговоров в толпе, всем хотелось увидеть, не появятся ли пропавшие сыновья убитого, хотя бы в последний момент.

Ван Штанген, который находился тут же, вместе с Вайном, Вайбом и Гезангом, знал, что молодые Шнауцеры вряд ли придут. Однако угадать причину его присутствия было

нетрудно. Ему по должности полагалось всех подозревать, и он вполне мог предположить, что на похороны заявится убийца. И ван Штанген неотступно следил, не выдаст ли он себя. Ну, а мне было интересно, как ван Штанген будет вычислять убийцу, если тот и впрямь где-то здесь.

Короче, причины для прихода провожающих были не слишком благочестивы. Однако Суперстаару важен был результат. А результатом была высокая явка прихожан и примкнувших к ним приезжих.

Служба прошла в переполненном храме. Детский хор с большим энтузиазмом исполнил слышанный мной гимн и еще один кантик, явно местного происхождения:

Я на вишенке сижу,
Не могу накушаться.
Буду я всегда во всем
Бургомистра слушаться!

Ректор сопровождал хористам на органе. Язычки пламени свечей, сотрясаемые звуковыми волнами, плясали перед образом Трудного Детства. Общего благолепия не испортил даже тот факт, что мануфактур-советника хоронили в наглухо закрытом гробу. Не он первый, с кем такое происходит, не он последний.

После торжественной службы шестеро почетных граждан Киндергартена подняли гроб и вынесли его во двор. Ван Штанген следил за этим действием непрерывно. Искал ли он убийцу среди этих шестерых? По моему разумению, они все вместе и гроб-то несли с трудом, и ни один из них не годился в отрывальщики голов. Но для дознавателя, по-видимому, это был не повод увериться в их невиновности.

Аккуратная могилка, вырытая накануне, уже поджидала своего обитателя. Следом за похоронной процессией из храма с некоторой поспешностью – уж очень душно и жарко было внутри – выкатились зрители.

Ректор Суперстаар окинул толпу одобрительным взглядом.

– Таких похорон Киндергартен еще не видел, – отметил он.

Затем, опираясь на руку Вассерсупа – и тот был здесь, а как же, – почтенный ректор взобрался на земляной холм. Я приготовилась к длинной назидательной речи, но то ли Суперстаар устал, то ли произнесение речей на похоронах почиталось в Киндергартене поведением неблагопристойным, но ректор ограничился молитвой.

Я, исповедуя ортодоксальный пофигизм, не принадлежала к господствующей в великом герцогстве Букиведенском конфессии, но привыкла уважать чужие взгляды и вместе со всеми стояла смиренно, ничем не прерывая моления.

– ... и Тот-еще-Свет да воссияет нам, – наконец завершил молитву Суперстаар.

Особо ретивые участники церемонии уже потянулись за комьями земли – кто первым бросит землю на крышку гроба, тому больше и почета. Примета такая. Но бросить не успели.

– А он уже воссиял! – радостно возопил детский голос. Затем раздался глухой звук подзатыльника, и тот же голос, уже не радостный, но слезливый, продолжал: – Ну правда же, вот же... над храмом сияет...

Все повернулись к церкви, остававшейся у нас за спиной. Детский голос вещал истинную правду. Черепица церковной крыши отражала ослепительное сияние, исходившее неизвестно откуда.

По толпе пронесся благоговейный вздох: «Чудо!»

Но тут отверз уста один из окружавших ван Штангена приставов. Я не очень отличала их друг от друга, но это вроде бы был Гезанг.

– Сдается мне, – авторитетно произнес он, – у нас здесь пожар.

Вы никогда не были на пожарах? И не советую. Удовольствие ниже среднего, даже если пожар непосредственно вас не касается, а горит дом соседа или вообще какое-то постороннее заведение. Визгу и крику наслушаешься столько, что потом неделю лопатой из ушей выгребай. Все носятся, словно покусанные стаей бешеных собак, сбивая друг друга с ног. И это наименьшее из неудобств. А наибольшее – пламя, которое распространяется с невероятной скоростью, или так кажется нам, оказавшимся в сени огненных крыльев.

Выражаясь по-простому, пожар охватил храм очень быстро. День был летний, сухой, дождей не выпадало по меньшей мере неделю. К счастью, дом был обнесен высокой каменной оградой, и это мешало пламени распространиться по кварталу. Но возможность такая существовала.

Поэтому Вассерсуп, после нескольких минут первоначальной паники, послал Бабса на ратушную башню – звонит пожарную тревогу. По этому сигналу имеющиеся в городе водовозы должны были катить к месту пожара с бочками, полными воды, а законопослушные граждане – поспешать туда же, вооружившись ведрами и баграми.

Что делали в тот момент ван Штанген и его подручные, не знаю, так как сама я была занята тем, что старалась удержать рвущегося в самое пекло ректора.

– Там что, кто-то остался? – проорала я, без особого успеха пытаюсь перекрыть общий крик и треск огня.

– ...детство! – донеслось до меня.

«Ну, точно, – подумала я, выпуская лацкан ректорского сюртука. – Образ святого, вот что его беспокоит. Работа такая».

Высвободившись, Суперстаар устремился в свой пылающий храм. Меняхватило только на то, чтобы добежать до входа и убедиться, что зал, недавно переполненный народом, теперь пуст. Стоя на ступенях храма, я обернулась к мятущейся толпе.

– Женщины! – завопила я что есть мочи. – Немедленно уводите детей, ничего интересного им здесь не покажут! И не создавайте толкотни! Остальные – тушите огонь!

– А чем? – откликнулся какой-то трезвомыслящий гражданин.

Действительно, дамам выполнить конкретную задачу было не в пример легче. Взяли детей в охапку либо за шкирку, если дети вышли из младшей весовой категории – и прочь. А вот воду еще не подвезли.

Не успела я открыть рот, как за меня ответил другой голос.

– Взяли лопаты и заступы – вон, возле могилы лежат – и забрасывайте пламя землей! Кому лопат не хватило – бегите к ближайшему колодцу, черпайте воду хоть кастрюлями, хоть шапками!

Это снова был Гезанг.

– Соображаешь, мужик, – сказала я, бегом спустившись со ступеней.

Он ничуть не обиделся за грубое обращение.

– А то! Я раньше в Букиведенской пожарной охране служил.

– Удачное совпадение... Кстати, тут поблизости есть аптекарская лавчонка. Целебными водами Киндербальзама торгует.

– Я учту, – кивнул он.

У меня не было никакого желания руководить тушением пожара, и если этим займется компетентный человек, тем лучше для всех. Интересно, его коллеги тоже могут оказаться полезны в данной ситуации? Я огляделась, но ни ван Штангена, ни Вайна с Вайбом не увидела. Зато в поле моего зрения попал Вассерсуп, лупящий по физиономии какого-то здорового детину. Сцену эту, словно на картине, обрамляли ворота. За спиной детины виднелась повозка.

– Мерзавец! – визжал бургомистр. – Ты почто с пустой бочкой приехал? Где вода?

– А нету... Какая-то сволочь затычку из бочки вытащила, вот вода и вытекла.

– Зачем вообще тогда сюда ехал? К колодцу надо было!

– Так сказано же – как пожарную тревогу бьют, поспешать к месту возгорания немедленно...

– А остальные где?

– Нету их в городе. В садах они. Вишенки поливают... дождя-то нету.

Вассерсуп размахнулся и невеликим кулаком саданул водовоза по скуле.

Я отвернулась. Но зрелище внутри двора было не лучше. Проинструктированные приставом горожане так бойко махали лопатами, что порушили не только незасыпанную могилу Шнауцера, но и всю лужайку с захоронениями. Как сказал бы какой-нибудь отсутствующий в Киндергартене алхимик, за неимением стихии воды со стихией огня боролась стихия земли. Похоже, у них был шанс помешать распространению огня, но потушить – вряд ли. Дым висел над двором, черный, как грозовая туча.

– Адские силы выбрались на волю, – прохрипел поблизости Суперстаар. Он прижимал к груди спасенную святыню, лицо и волосы его были в саже, по щекам катились слезы.

Если б я сказала доброму ректору, что такое явление, в принципе, возможно, чему я была свидетельницей, он бы все равно мне не поверил. Тем более, что Суперстаар и не собирался меня слушать. Он прислонил образ к покосившемуся надгробию и снова заковылял к горящему храму.

Я бросилась за ним.

– Куда вы! Вы ведь уже спасли, что хотели!

– А архивы?

– Какие еще, к Ядреной Фене, архивы?

– Во-первых, не поминайте языческих богов. Во-вторых, я говорю об уникальном собрании манускриптов, хранящихся в дальнем приделе храма. Там есть документы, которым не одна сотня лет. Вы поняли?

– Поняла, что я полная дура, – буркнула я.

«И что мне было вчера не в книжную лавку шляться, а зайти к присноблаженному Фогелю? И что мне было к тому небольшому количеству заклинаний, выученных в МГБ, не добавить еще одно – противопожарное?»

Во двор, толкаясь и разливая драгоценную влагу, ввалились те, кого Гезанг послал к колодцу. Я выхватила ведро у ближайшего и окатила себя водой. Хватило также и ректору.

– Что вы делаете? – отплевываясь, возмутился он.

– Принимаю меры безопасности. Как вы сказали – в дальнем приделе? Бежим, может, еще что-то спасем.

В Ойюкумене не так много людей, сумевших побывать на Том-еще-Свете и вернуться. Наверное, только я и есть. Свидетельствую – ничего страшного там нет. Так, печальная призрачная долина. Но меня предупредили – это не все посмертие, а наиболее населенная его часть. Праведники попадают в Злачное Место, а самые большие злодеи низвергаются в Тартарары. Подчеркиваю – чтобы заслужить квартиру на нижнем этаже, нужно быть редкостным гнусом. Достаточно сказать, что никто из павшей в былых войнах солдатни, составившей Армию Теней – а были они убийцами как до смерти, так и после нее – в Тартарары не попал.

В отличие от солдат Армии Теней я никого не убивала (без необходимости) и не грабила (предпочитаю честный обман). Но теперь могу предположить, что еще до смерти получила некоторое представление о том, как пресловутые Тартарары выглядят. Впрочем, в тот момент, когда мы с ректором бросились в огненные ворота, я не была уверена, что смерть еще не наступила. И больше я такой подвиг повторить не решусь, даже ради ценнейшего манускрипта в мире.

Если бы не Суперстаар, я бы ничего не нашла и вообще не добралась бы до места. Никогда не подозревала, что храм Присноблаженного Фогеля столь велик. Точно – изнутри он явно был больше, чем снаружи. Или так казалось из-за дыма, затянувшего все помещения. Но Суперстаар, несомненно, мог бы найти дорогу и в полном мраке и вел, не сбиваясь с курса. Перед низкой дверью он извлек связку ключей, но тут же его сотряс приступ неукротимого кашля. И то – дым забивал легкие.

– Открывайте, ректор, пока крыша не рухнула!

– Не могу... руки трясутся...

Я разбежалась и пнула дверь. Со всей силой, но без особой надежды. В подобных строениях двери обычно дубовые и окованные железом. На счастье, именно здесь строители схалтурили. Дверь слетела с петель, и мы ввалились внутрь.

В полумраке смутно виднелись полки, заставленные свитками, книгами, просто пачками листов.

– Что здесь самое ценное?

– Здесь все бесценно... – проперхал Суперстаар.

– Тогда хватаем все, что можем – и ходу!

Обратный путь показался еще хуже. Крыша держалась из последних сил. Мы еле уворачивались от ливня горящих искр и града черепицы.

А когда мы выскочили во двор, аккуратно за нашими спинами рухнула несущая балка.

Суперстаар в изнеможении опустился на искрошившиеся ступени – они не выдержали, и он поехал вниз, как ребенок с горки. Я поплелась следом и получила прямо в физиономию полную кастрюлю воды. Ту же порцию отмерили и ректору.

Это вернувшийся Гезанг приказал облить нас с головы до ног. И правильно сделал – одежду и волосы, несмотря на принятые мною предосторожности, мы подпалили.

Ректор, правда, действий экс-пожарного не оценил.

– Что вы натворили! Пергаменты! Вы погубили их!

Увы – документы, спасенные из огня, тут же намокли. Я со вздохом выпустила из объятий спасенные манускрипты, положив их к ногам ректора.

– Вот, получите. Потом я помогу вам разобрать то, что уцелело.

От нас с Суперстааром валил пар. Какой-то сознательный горожанин протянул мне большую стеклянную бутылку со словами: «У вас волосы дымятся». Жидкость в бутылки выглядела вполне прозрачной, но, прежде чем вылить ее себе на голову, я сообразила, вытянув пробку, понюхать содержимое.

– Урод! Ты что, сжечь меня хотел?

Дымящуюся прядь я предпочла вырвать.

Сознательный побледнел и проблеял нечто нечленораздельное.

– И где ты это взял?

– В целительской лавке... и там же написано было: «вода».

Грамотный попался, на мою голову. В прямом смысле. Aqua там, конечно, было написано, но прибавлено еще и vitae.

Раздался оглушительный грохот. Это окончательно рухнула крыша. Несмотря на весь жар, меня что-то зазнобило. И я почувствовала, что кое-где пламя меня лизнуло. Ладно, паратройка ожогов моей красоты не испортит...

Я приложилась к бутылке с аквавитой, потом, подумавши, передала ее возникшему рядом Гезангу. Покуда тот пил, в очередь выстроились Вайн, Вайб и, что характерно, ван Штанген. Большинство народу во дворе были в саже и копоти, мокрые и встрепанные, а самым большим чучелом выглядела я. Дознатель же был чист, словно только что с парада. Или даже перед парадом. Немного запыхался, и все. И как ему это удастся?

Суперстаар плакал, перебирая мокрые пергаменты. Горожане продолжали заливать развалины водой из подручных посуды (если они притащили не одну бутылку с аквавитой, можно их поздравить) и забрасывать землей. Из ямы, в которой с трудом опознавалась могила, торчал позабытый всеми гроб.

– Да, таких похорон Киндергартен точно не видел, – пробормотала я. – И, надеюсь, впредь не увидит.

Ван Штанген залпом допил остатки аквавиты, поставил бутылку на землю, коротко поклонился мне – вот уж чего не ожидала. Спросил:

– Жертвы есть?

– Погибших нет, – ответил Гезанг. – Но с дюжину народу с ожогами разных степеней. Тех, которые в истерике, я не считал.

– Надо бы оказать медицинскую помощь, – сказала я.

Отозвался подошедший Пулькер – он слышал мою реплику.

– А доктора опять нет. И в этом весь наш почтенный Обструкций – как только он нужен, его не доищешься.

– Ну, сегодня он не сваливал с места событий, – защитила я медикуса. – Доктора не было с самого начала.

– Вот как? – медленно произнес ван Штанген. – А почему его не было?

Никто из нас не сумел ему ответить.

Испытания в тот день на сем не закончились. Поначалу мы нашли подводу и загрузили на нее Суперстаара со спасенными реликвиями. Им предстояло найти временное пристанище в ратуше. Вассерсуп, махнув рукой, дал на это разрешение. У него и без того было полно забот. Храм сгорел, что в ближайшем будущем означало невосполнимый урон для городской казны. Даже то, что драгоценный образ спасен, а большого пожара удалось избежать, не могло утешить бургомистра.

Было слишком поздно, чтобы заниматься разбором вынесенных из огня документов, и мы все слишком устали. Единственное, чего мне хотелось, добраться до дому и переодеться. Но когда я пришла к себе, оказалось, что у дверей меня ожидает посетительница – почтенная горожанка средних лет. В последние дни как на подбор образовались у меня собеседницы: экономка Шнауцера, госпожа Мюсли, мамаша Фикхен... Но к ним я сама приходила, а этой-то что от меня надо?

– Помощи, – простонала посетительница, сложив руки на обширной груди. – Не откажите в помощи, милиса!

Я отперла дверь, с тоской озирая прилипшую к телу одежду. Сегодня постирать уж точно не придется.

– Вот что. Я сейчас переоденусь, а вы сядьте и успокойтесь. А потом расскажете, как вас зовут, и что вас привело ко мне в столь неурочный час.

Уже стемнело, а порядочные женщины в Киндергартене в это время из дома не выходят. А непорядочных здесь не водится. Исключения – типа меня – лишь подтверждают правило.

Она представилась, как только я вернулась в домашнем платье – с неотмытой копотью на лице и подпаленными волосами оно меня еще больше украсило. И ответ на первый вопрос заключал в себе ответ и на второй.

– Меня зовут Бундеслига Штуккер...

– А! Жена сапожника!

– Так точно, милиса.

– Я слышала, ван Штанген посадил вашего мужа.

– Потому я и пришла.

– А я-то здесь при чем? Дело передано в ведение герцогской полиции, меня от следствия отстранили.

– Но Сай не виноват!

– Да знаю я, что не мог он убить портного Броско...

– Не в этом дело... Там, конечно, все ненарочно вышло. Но даже если б он портного злоумышленно застрелил... Сая уже судили за это.

– Верно. Приговорили к штрафу. И никто не может быть осужден дважды за одно и то же преступление. Есть такой закон. Хотя закон – что дышло...

Сапожничиха всхлипнула, но сдержала слезы. При том, что у нее, в отличие от госпожи Мюсли, были причины плакать.

– Этот приезжий господин... он думает, что мой бедный Сай причастен к гибели советника Шнауцера... и не только.

– Что значит «не только»?

– Сегодня они приходили снова... уже вечером... они ищут того, кто устроил пожар... и снова спрашивали про Сая.

Мысль о поджоге до сего момента не приходила мне в голову. День, как было помянуто, выдался теплый, сухой, в храме горело множество свечей и толпилось большое количество народу. Пожар вполне мог возникнуть случайно. И все же...

– Ну, Бундхен – ничего, что я так запросто? – этого преступления ван Штанген вашему мужу не придется. Во время пожара он благополучно сидел в узилище.

– Я то же и сказала... а они, идола мордатые, знай себе твердят: это неважно! Не поджигал, мол, так мог знать, кто поджег! Все, мол, связано... Госпожа милиса, помогите! Подведут злодеи моего Сая под каторгу и виселицу...

– Что-нибудь одно – либо каторга, либо виселица.

– ... а у меня дети, их кормить надо, в ученье отдавать! Никто ж не возьмет детей каторжника! Помогите, а я в долгу не останусь...

Я медлила с ответом. Обирать бедную женщину было неловко, а бесплатно я не работаю принципиально. Впрочем, расплачиваться можно не только деньгами. Не подумайте плохого, я имею в виду информацию.

– Приставы только вас сегодня посетили?

– Нет. Соседка сказывала: они к «Могучему Киндеру» заходили.

– В пивную и просто так люди заходят. Особенно после трудного дня.

– Нет, – повторила сапожничиха и покачала головой. – Выпивку им из «Ушастой козы» носят, мне тамошняя прислуга говорила. И еще куда-то они ходили, только я не знаю, куда...

– Так узнайте. Вдруг это нам поможет.

– Нам? Вы беретесь за это дело?

– Я... попробую. А вы тоже держите ушки на макушке. И как услышите что-нибудь, сообщайте мне.

Она ушла. А я не сразу уснула, несмотря на усталость.

Ван Штанген говорил мне, что гибель Броско и убийство Шнауцера связаны, и я была с ним согласна. А теперь оказалось, что он поставил в тот же ряд и сегодняшний пожар... или поджог?

Мне-то казалось, что это явление никакой мистической подоплеки не имеет. Но вдруг он прав и на сей раз?

После того, что произошло нынче, я не могла с пренебрежением относиться к ван Штангену и его подручным. Не такие уж они были болваны, эти приставы.

Но какое отношение имеет сапожник Штюккер к пожару? Какие такие сведения собирается выжать из него столичный дознаватель?

Хорошо, что погибший Броско жены не имел. Каково бы мне пришлось, если бы и мадам Броско явилась требовать помощи?

Хотя... какое-то здравое соображение здесь есть. Я слишком рано сбросила персону Броско со счетов. Надо проверить его связи. Надеюсь, ван Штанген не будет возражать. Это укладывается в рамки дозволенного мне женского любопытства.

Потом – узнать, что занудилось столичным сыщикам в «Могучем Киндере». Кроме пива, конечно. Полагаю, там мое появление тоже не вызовет подозрений. Исполняю свой долг по доставке домой подгулявших горожан, и все такое.

Что еще? Ну, разумеется, разбор полетов... то бишь документов, спасенных из огня. Если Суперстаар меня к ним допустит. Должен бы допустить, учитывая мою роль в их спасении. Но я давно перестала верить в людскую благодарность. Ладно, посмотрим по обстоятельствам. А сейчас – умыться и спать... спать...

Однако наутро весь этот замечательный план действий пришлось переиграть. Потому что, едва я успела продрать глаза, как в контору прибежал Бабс и сообщил, что меня вызывают в ратушу. А вот в каком качестве – это еще предстояло выяснить.

Мы собрались в кабинете бургомистра. «Мы» – это, стало быть, ван Штанген со своей командой, Пулькер, Суперстаар, я и сам хозяин кабинета, который таковым нынче не выглядел. Впрочем, еще хуже Вассерсупа смотрелся ректор. Проявив во время пожара несвойственные его возрасту бодрость и решительность, сегодня он совсем сник, и у меня не хватило наглости задать ему вопрос насчет состояния уцелевших рукописей. Я предпочла перевести взгляд на дознавателя. Зрелище было неутешительное. Не в том смысле, что ван Штанген пребывал в таком же упадке тела и духа, что ректор и бургомистр. Совсем наоборот. В моей практике случались эпизоды, когда заклятые враги внезапно меняли нравственную либо политическую ориентацию и становились если не друзьями, то союзниками. Но здесь мне такое не грозило. Ежели вчера враждебность ван Штангена по отношению ко мне дала некоторую слабину под общим напором огня, усталости и водки, то сегодня на его физиономии не читалось ни намек на дружеские чувства.

– Прошу занять места за столом, – обратился он к собравшимся.

Эта фраза затронула во мне самые чувствительные струны – те, что в желудке. Из-за вчерашних происшествий я не успела ни пообедать, ни поужинать. А сегодня меня подняли до завтрака.

Увы, стол, за который нас пригласили, был отнюдь не пиршественным. Значит, у нас будет заседание, а не допрос. И то хлеб... тьфу, опять я про еду.

– Я пригласил вас, господа... и дама, – прервал ван Штанген классический зачин, – чтобы прояснить некоторые вопросы. В первую очередь это касается вас, милитисса Этелинда.

– Можно просто Линда.

Он предпочел сделать вид, будто не расслышал.

– Первоначально я потребовал от городской управы и от вас лично, чтоб вы были отстранены от расследования. Но вчера я убедился в вашей решительности и потому сомневаюсь, что вы удержитесь в рамках, каковые я вам предписал. Поэтому я считаю более предпочтительным, чтоб вы были у меня на глазах. Впредь требую давать отчет обо всех ваших действиях.

Я сочла возможным промолчать. А если некоторые считают молчание знаком согласия – это их печаль.

– Далее, – продолжал ван Штанген, – я не исключаю, что следствию понадобятся консультации уважаемых и компетентных жителей города. Поэтому я вызвал вас, господа Вассерсуп, Пулькер и Суперстаар. Вы – представители власти, закона и церкви, вы – свидетели

совершенных преступлений, а господин Суперстаар является также и пострадавшей стороной...

– Позвольте, о каких преступлениях идет речь? – поинтересовался Пулькер. – По моему, преступление было одно – убийство мануфактур-советника, и у него как раз не было свидетелей.

– Господин ван Штанген считает вчерашний пожар злонамеренным поджогом, – пояснила я.

– А вы – нет? – дознаватель обвел нас взглядом. – Что скажете, ректор?

Суперстаар с трудом поднял голову.

– Я считаю, что это наказание. Близится, близится Армагеддец! Ибо сказано: «Вырвется огонь пожирающий, воды поглотят мирные доли, и вырубят вишневый сад, и где был север – там тропики...», и прочее, что предсказал пророк Похаря...

– Ректор, мы не на богословском диспуте! Обращаюсь к остальным представителям вновь созданной чрезвычайной комиссии – что вы думаете по поводу возможности поджога?

Вассерсуп и Пулькер одновременно пожали плечами.

Оставалось выступить мне.

– Такая возможность не исключена. Хотя пожар мог возникнуть и от естественных причин. Лето, толпа народа...

– Толпа, говорите? – ван Штанген обернулся к приставу. – Гезанг, во время службы в пожарной охране ты часто наблюдал случаи, чтоб пламя вспыхнуло при большом скоплении народа, и никто серьезно не пострадал?

– Нечасто, – отвечал пристав. – По правде сказать, никогда.

– Вот именно. Злоумышленник дождался, пока похоронная процессия покинет храм, и только после этого совершил поджог.

– Странный какой-то злоумышленник. За людские жизни боится.

– Ничего странного в его действиях нет, если считать, что целью преступления было не убийство кого-либо из собравшихся, но уничтожение храма. Предвижу следующий ваш вопрос и ответу на него, не дожидаясь, покуда он будет задан. Здание каменное, деревянными были внутреннее убранство и перекрытия, и случайно вспыхнувший огонь не мог бы так быстро охватить его. Я верно говорю, Гезанг?

– Верно, мэтр. Причем подожгли в нескольких местах.

– И, наконец, у единственного оказавшегося поблизости водовоза в бочке не оказалось воды. Вас это не убеждает?

Он произнес это, сверля меня убийственным взглядом, как будто я выпила воду.

– Предположим, убеждает. Но зачем было поджигать храм? Это Киндергартен, господа, а не столичный город, где в запасе всегда имеется с полдюжины модных ересей!

– Вот именно. Поэтому я и спрашиваю вас, ректор – кто мог ненавидеть вас настолько, чтобы желать уничтожить ваш храм? Кто мог желать зла самому храму?

– Никто... – пролепетал Суперстаар. – Милиса права – в Киндергартене служители разных святых и святынь не враждуют друг с другом.

– Вот как? Не знаю, как насчет служителей других святынь, но у меня есть сведения, что вы, преподобный Суперстаар, имели крупную ссору с Катонем Ферфлюхтером, содержанием пивной «Могучий Киндер». Вы пеняли ему за то, что он получает наибольшую выгоду, обслуживая разнообразные праздники, включая памятный многим праздник стрелков, а праздники сии проникнуты духом язычества, осужденного присноблаженным Фогелем. И оболваненные с помощью пива горожане губят свои души в порочных забавах, вместо того, чтобы спасать оные в храме святого Фогеля. На что вышеназванный Ферфлюхтер, по показаниям многочисленных свидетелей, заявил: «Чтоб он сгорел, ваш храм!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.